

ЛАНА АЛИНА

ВОРОЖКА
БЕСКОНЕЧНОСТИ

Лана Аллина

Воронка бесконечности

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24052224

*Воронка бесконечности: Издательский дом «Сказочная дорога»; М.;
2013*

ISBN 978-5-4329-0044-9

Аннотация

Этот роман – о любви и страсти, искренней, горячей, пылкой. О достоинстве и свободе, за которую человек несет ответственность. Этот роман – о живом Времени: оно то сладко зевает, засыпает, то вдруг падает и разбивается на мелкие кусочки. И устремляется в бесконечность. Можно ли потеряться во Времени? Оказывается, можно.

В Воронке бесконечности заблудились и главная героиня, и страстно влюбленная пара, и даже... целая страна. Время для них течет в ином ритме, прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино, часы тикают неестественно громко, и стрелки гнутся, ломаются... Но что это за циферблат, на котором нет часовой стрелки? И что это за Воронка, поглотившая влюбленных, которые не хотят потерять друг друга во времени и пространстве?..

Содержание

Пролог	7
Много лет назад. Она и время...	7
Наше время. Я...	10
Много лет назад. Я...	13
Наше время. Я...	44
Часть I	50
Наше время. Я...	50
Много лет назад. Она...	56
Без времени. Девочка...	77
Наше время. Я и Она...	87
Много лет назад. Она...	91
Много лет назад. Она...	98
Без времени. Девочка...	111
Много лет назад. Она...	121
Наше время. Она и я...	125
Много лет назад. Она...	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Лена Аллина

Воронка бесконечности

© Князева С. Е., 2013

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2013

*** * ***

Моим родителям посвящаю

*Нет больше Страха!
Мы сильнее его,
мы мудрей.*

Пролог

Встреча с воронкой

Много лет назад. Она и время...

Она быстро шла, бежала, летела, почти не касаясь ногами земли, по длинному темному коридору Коридор то расширялся, то сужался настолько, что становилось трудно передвигаться, и она уже несколько раз больно ударилась о его стены. Не было у коридора ни начала, ни конца. Она уже сильно устала, но все никак не могла остановиться. Боже, куда ее так затягивает? Но какая-то неведомая сила подхватила ее и несла, несла... Наверное, это происходит с ней во сне. Так ведь бывает: летишь, падаешь, поднимаешься – и не можешь проснуться. Но потом сон гаснет, кончается... А теперь очень похоже, что все это – реальность, только какая-то странная реальность.

И вот уже не коридор был впереди, а черная дыра. Что же это? Ворота в параллельное пространство, кратчайший путь в навь, в иное время? Или что-то другое? Какая-то кротовая нора! А там, дальше... что? Воронка – омут, водоворот, который втягивает в себя все сущее и ничего не возвращает обратно?

Воздух в коридоре стал вдруг липким и тяжелым, словно сбился внезапно в тошнотворную вязкую массу. Сгустился плотный зеленоватый туман. Потом туман поменял цвет: стал серым или сизым, с голубоватым оттенком. Стало трудно передвигаться, дышать...

«Однако! Как странно выглядит время», – думала она (а может быть, уже и не она), с трудом продираясь через этот вязкий, плотный зеленый или зеленовато-серый, или непонятно какой – цвет его постоянно менялся – туман. Раньше ей всегда казалось, что время – это воображаемая прямая линия, протянутая снизу вверх и соединяющая прошлое и будущее через настоящее, или лента, или, может быть, дорога, потерявшаяся где-то там, в глубине веков, прорезавшая время и уходящая в неведомую даль будущего. А оказывается, время – оно живое и, как и человек, имеет размеры, объем, память. Оно – важное действующее лицо, главный герой.

...Время стало беспорядочно и нервно ходить в разных направлениях, тяжело вздыхая.

«Тик-так, тик-так, ходят часики вот так...» – вспыхнули в уме строчки давно забытой детской считалки. Потом длинные тонкие стрелки сверхмощных *Часов времени* вдруг зашпешили, ускорили привычное движение по кругу, наращивая обороты, и побежали стремительно. Тот, кто крутил стрелки, явно обезумел! И вот что из этого вышло. Часы начали тикать неестественно громко, стрелки зацепились друг

за друга, задрожали. Одна из стрелок сломалась почти до основания, другая странно изогнулась... Циферблат, где нет часовой стрелки, – но это невозможно! Неужели Время выглядит так, неужели это его настоящее лицо? На часах осталась теперь только одна стрелка – минутная, и она полома-лась или погнулась, непонятно, но с ней точно что-то случилось... Ну да, конечно, она же почему-то идет назад – про-тив часовой стрелки!

«Но так же не бывает», – думала она – или непонятно кто.

Вероятно, это случается, когда восприятие человеком ре-альности не совпадает с самой реальностью. Тогда время те-ряется, действует непредсказуемо, спотыкается, опрокиды-вается набок, ломается, начинает течь как-то иначе, не так, как всегда. А может быть, время и не летит, и не тянется, и не плетется в полусне, а просто идет в обратную сторону или вовсе перестает двигаться, становится неподвижным? Часы совсем по-другому отстукивают минуты и секунды – и воз-никают ножницы времени. Время исчезает куда-то, а поте-рявшегося во времени человека затягивает в омут, в *Ворон-ку*.

...И вдруг в конце этого вязкого коридора – или на дне черной дыры? – что-то промелькнуло, скрипнула, приоткры-лась дверь... Или вовсе и не дверь это, а само живое Время закрипело, зашуршало, завернулось петлей – и я...

Наше время. Я...

В то воскресное февральское утро на меня напала непонятная тревога. Казалось, не было тому никаких причин. Я уже целую неделю отдыхала в моем любимом Звенигородском пансионате, со мной были мои девочки – дочка, Анечка, и маленькая внучка, и, казалось бы, ничто не могло объяснить эту тревогу.

После обеда мы собирались уезжать в Москву, и зять приехал на машине с самого утра, чтобы отвезти нас домой.

Потом позвонил Леша – муж: хотел узнать, когда же ждать меня.

Часов около двенадцати дочь начала собирать вещи – дело долгое и *многотрудное*, – а Матвей, зять, выключив после некоторых колебаний компьютер и решительно отложив в сторону наушники, взял санки. Уже одетый, немного потоптался у двери и отправился гулять с Оленькой, моей внучкой. Словом, воскресенье быстро покатилося по рельсам времени – через полдень к вечеру, как обычно, – ничто не нарушало его размеренного течения.

А я решила прогуляться лесом в Мозжинку, к старым академическим дачам. Много лет назад там располагался пансионат Академии наук, в котором я когда-то отдыхала во время зимних студенческих каникул.

Погода стояла изумительная: безветренная, не по-зимне-

му теплая, яркая, солнечная. Я присела на скамейку, стоявшую на лесной опушке.

Через несколько дней начнется новый семестр, вот и захотелось подумать о вводной лекции к моему курсу в университете. Я стала выстраивать картинки, складывать пазл из фактов, имен, событий – и пыталась поймать за длинный пестрый хвост капризную птицу вдохновения...

...Я начала медленно-медленно расплетать длинную, толстую светло-каштановую косу времени. Развязала, осторожно вытащила коричневую сатиновую ленту...

Скоро в голове зародились, стали формироваться, проявляться, как на фотоснимке, развиваться образы... И вдруг... Время затрепетало, сложилось пополам, как лист бумаги с плотно напечатанным текстом. Потом листок развернулся – прогнул, искривил пространство и... Что открылось? Временной портал, ведущий в иное измерение?.. Я или, может быть, она, снова перепутавшая себя со мной, неестественно быстрым шагом пошла, побежала, полетела через все увеличивавшуюся дыру по пространственно-временному коридору, ясно прорубившему, пронзившему насквозь, прорезавшему реальность. А затем... что это? Погружение? Заплыв? И куда же так затягивает? В какой-то немислимый водоворот, в Воронку? В иной, непроявленный, параллельный мир – в прошлое.

Но внезапно время спрессовалось, стало вдруг липким и очень тяжелым, сбилось в вязкую массу! Сгустился и без то-

го плотный зеленовато-серый туман, стало трудно передвигаться... И вдруг в конце этого вязкого коридора скрипнула, приоткрылась дверь, и...

Много лет назад. Я...

...Где я? В какую эпоху попала? А, кажется, я очутилась где-то в начале XX столетия.

Ну, да, точно. Но это – не *моя* эпоха.

Что же я вижу?

Оптимизм. Оглушительный, вспухающий, собирающийся на поверхности бисерным кипением, – мелкими пузырьками, переливающийся через края европейского мира... Да! Мы будем жить в мирном и разумном XX веке – без войн, без катаклизмов. Наступил Век Разума, Прогресса, Счастья!

Маниакальное величие отдельных людей, пожелавших непременно – что?

Как что? Отчетливо *видела* я: удивить, поразить, изменить мир.

Появились новые герои. Грандиозность. Величие. Гордыня.

Человечество ошеломлено. Оглушено. Сбито с толку и растеряно. Мы сокрушим старый мир! Мы покорим пространство и время. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Мы все добудем, поймем и откроем: холодный полюс и свод голубой. Мы переделаем мир, мы перевернем его с ног на голову. Мы *благодетельствуем* человечество!

Вот же, вот же оно! Я это вижу! Завораживающие многообещающие речи. Я слушаю их – и что же?

Мания собственной грандиозности. Безумный горячий блеск – сверкают глаза ораторов, наливаются кровью и величием, выпрыгивают из орбит, излучают абсолютную истину.

В расширенных кокаином и грандиозностью зрачках четко, с мельчайшими подробностями, отражается многократно уменьшенная толпа на площади. Высоко задранный подбородок человека на трибуне. Сильно развитые нижние челюсти, холодный гипнотический взгляд очковой кобры, а хватка – бульдожья: как схватит такой, как сожмет челюстями... Вот как они буравят, прожигают, гипнотизируют толпу взглядом, вот как держат ее своими крепкими острыми зубами, заражая идеями всеобщего равенства и повального счастья, – теперь уже больше не выпустят! А как нарастает, как ширится сила, напор произносимых слов – от шепота до грохота и ора, срывающегося в ультразвук. Трескучие, каркающие, громыхающие фразы. Это уже не политики – нет! Скорее Вожди. Кто они? Откуда взялись? Вчера их еще не было.

Там, где прежде была суша, теперь, откуда ни возьмись, заплескался Океан амбиций. Разлились моря честолюбия. Выросли новые и укоренились хорошо забытые старые мифы. Лозунги. *Новояз*. И толпы, толпы внимающих и верящих вождям людей.

Новая эпоха! Эпоха свободы! Время говорить, что думаешь, и думать, что говоришь. Но за личную свободу отвечать

научились далеко не все.

– Свобода – это ответственность?! – понизив голос до свистящего полусшепота, с издевкой вопрошали вожди. – Кто вам это сказал? Плутократы-либералы? Да они заражают вас бубонной чумой фальшивой демократии. Нет, подлинная демократия – это свобода! А подлинная свобода – это раскрепощение! Подлинная Свобода с большой буквы – это справедливая народная война!! Подлинная Свобода – это народная Революция!!! Да здравствует Свобода! Да здравствует Революция и ее дитя – Свобода!! Свобода – это хаос, это произвол большинства, это экспроприация, это бунт!!!

«Позвольте, но ведь к свободе готовы лишь немногие. Эти люди нескоро поднимутся до уровня настоящей свободы. А где же здесь место для ответственности? Кто будет отвечать за такие действия?» – с ужасом подумала я, или она, или неважно кто.

А тут еще и имперские амбиции. Бряцание оружием...

Европу между тем захлестывает шпиономания. Кажется, совсем еще недавно оправдали, наконец, капитана Дрейфуса, невинно осужденного за шпионаж в пользу Германии и передачу ей секретных разработок новейших видов оружия.

Сам Президент Французской Республики Арман Фальер торжественно вручил ему шпагу, утвердил в чине майора и наградил его, сделав Кавалером Почетного Легиона, вот так! Так теперь новых шпионов и предателей ищут – и находят!

...Время заскользило, запетляло, заметая следы, потекло,

полетело, помчалось – вперед, назад, вбок, вспять, вскачь, кувырком – неизвестно куда! В омут его затянуло, наверное... Аж дух захватывает. О, как неуютно, даже жутко!

...Утонченный модерн, изощренный, уводящий в потусторонний мир декаданс... *изыск!* Это нечто оглушительное... доводящее до безумия, до исступления... Гумилев, Блок, Анна Ахматова... Габриэле Д'Аннунцио...¹ Его высокомерный, но печальный взгляд, изящно искривленный рисунок его презрительно-горестно сомкнутых губ, прячущихся под божественными усами. Какой шик! Он неподражаем. С великолепной отстраненностью смотрит он на толпу. Его стихи, его проза – какая изящная, сладострастная, какая чувственная, полная достоинства, – и горькая. А рядом с ним его подруга, его вечная муза – несравненная Элеонора Дузе.

...А это Поль Верлен² и головокружительные – и как только можно было услышать в своем сердце, нащупать в душе, угадать? – такие точные слова! Испепеляющие, горько-сладко ласкающие, услаждающие слух *Les sanglots longs*. Как же оголяет нерв, бьет по нему, истончает его эта поэзия! Ой! Тонко-тонко – вот порвется.

Я слышу, я вижу их – и себя со стороны. Я, совсем еще девочка, с восторгом слушаю эти стихи, потом покупаю то-

¹ Габриэле д'Аннунцио (итал. Gabriele D'Annunzio, настоящая фамилия Рапаньетта [итал. Rapagnetta]; 1863–1938) – писатель, поэт, драматург и политический деятель.

² Поль Мари Верлен (1844–1896) – французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

мик его стихов и читаю, перечитываю... Это наслаждение, это боль, это шок, это экстаз! Даже мурашки по коже побежали... Пронзительно. Невозможно. Губительно сладко, убийственно, неповторимо, изумительно.

Парижские интеллектуалы обсуждают сейчас теорию Прогресса и футуристов-будетлян. Город будущего! Это видение. Какой шик!.. Итальянский поэт Филиппо Маринетти и его соратники в журнале *La Plume* возводят фантастические в своей нелепости мегаполисы будущего, создают нового кентавра – человека-машину, угрожают в своих Манифестах выбросить с *Парохода Современности* Венеру Милосскую, Пушкина, Достоевского и, кажется, кого-то еще, потому что все они давно уже устарели, да и вообще никому непонятны, как иероглифы...

Вообще кругом модерн. Один модерн. Ничего, кроме модерна. Ох, как кружится голова от этого модерна! Утонченный модерн в искусстве, модерн в науке, даже модернизация церкви!

Да, истончается нить времени, ускользает.

А еще в Париже только и говорят, что о выставке молодого, но, видимо, очень, талантливого художника.

«Пабло Пикассо, совсем молодой еще, всего-то слегка за двадцать...»

«Да неужели?»

«Молод, но сразу видно – гениален! Как это вы не слышали? Быть не может! Да ведь он будет со временем не менее

знаменит, чем Поль Гоген!»

А вот уже все обсуждают творчество величайшего интуитивиста начала века. Выставки Николая Рериха – как свежо, как невероятно!

Но... Толпа... Слышу возбужденные крики. Вижу разнузданное поведение, отсутствие манер. Наблюдаю за простонародьем на гулянье. Ой! Сейчас точно толкнут, собьют с ног – и даже не заметят... а заметят – так нахамят! Грубые одежды. Плоские шутки. Ругань...

Эй, ты там, в цилиндре! А хоть в нос?

Да уж! Как утверждал один недавно умерший философ, на толпу обычно не производят впечатления благородные изречения и возвышенные истины. Маленький простой человек с улицы разбушевался, стал новым героем...

Век индивидуализма, уважения к человеческой личности уходит медленно и печально. Век толпы вступает в свои права...

Чево там думать – целься в глаз!

Даешь Свободу, то есть анархию и произвол!

Разнузданная толпа. Ох, как это, оказывается, страшно! Неуютно мне здесь что-то...

На улицах городов выходят из берегов взбудораженные толпы.

Толпы людские заплескались на площадях – только брызги летят во все стороны, и не успеваешь увернуться. Как много людей – тысячи! Разных и в то же время одинаковых. Воз-

бужденные, разгоряченные, закипевшие лица, расплавленные, стекающие, с широко открытыми орущими ртами, вывернутыми наизнанку до самого нутра, как карманы их штанов; лица, обезображенные спиртным, хамством и непонятной, какой-то низменной, страстью. Они внимают вождям – и все это называется у них теперь «демократия»! Как полыхает пожаром толпа, с какой жадностью внимает она вождям. Как взрывается толпа бомбами одобрения, как строчит из пулемета очередями интереса, восторга!

Да, вот он, век массовой культуры! Шквал, накипь, пена людская поднимается с самого дна человеческого океана и мелким бисерным бесом бурлит, исходит паром, переливается через края, шипит, хлещет... Этот шквал сбивает с ног, распространяя вокруг себя всеобщее равенство и свободу, затапливает площади, улицы, скверы, дома – все вокруг... Кумир для этих людей – свобода. Безграничная свобода – и опьянены они свободой. Боги, цари, короли, правители, аристократы, пророки, герои, священнослужители – смешались в кучу все. Короны полетели прямо в грязь! Долой короны! Долой тиранов-аристократов! Долой правителей! Долой веру в распятого! Долой самого распятого!

Анархисты распоясались. По всей Европе они угрожают свободе и достоинству людей. И вот уже убит анархистом, вернувшимся из Америки (куда он эмигрировал), итальянский *король-карлик*³. Мутная волна анархизма нахлынула из

³ Король Умберто I (1878–1900), прозванный в народе карликом – Nano – за

Европы и в США. И вот уже смертельно ранен несколькими выстрелами не то польского, не то мадьярского эмигранта-анархиста американский президент МакКинли⁴. Ветеран Гражданской войны умирает спустя несколько дней. Не покушение – убийство.

Слабеет власть, падает уважение к ней – вот и шалют анархисты.

Где достоинство у человека из толпы, где его уважение к себе, к другим?

«Чего?»

«Какое там еще достоинство?!»

«Душа?»

«А хде она?»

«Любовь?»

«А шо, ее можно кушать!»

Они теряют достоинство – они почти потеряли человеческий облик.

Смешались люди, сословия, кровь, достоинство, стиль, мысли, маски, горькие радости индивидуализма. Уходит в небытие прошлого старая элита. Образованные, свободно мыслящие, утонченные интеллектуалы.

Долой реализм, позитивизм, либерализм! Наш новый наркотик – потусторонняя ирреальность.

маленький рост. Убит в июле 1900 г. анархистом Гаэтано Бреши.

⁴ Американский президент Уильям Мак-Кинли смертельно ранен анархистом из семьи польских иммигрантов венгерского происхождения Леоном Чолгошем в сентябре 1901 г.

Даешь очищение от мещанства, быта, старого хлама! Долой уют! Фи, какое мещанство: фикус в кадке, герань на подоконнике, фортепиано, оранжево-рыжий абажур с бахромой! Долой Моцарта и Бетховена, а заодно короля вальсов Штрауса и старую музыку, и поэзию, и прозу тоже в придачу! Не нужна нам семейная затхлость, семейные реликвии, драгоценности, изящные украшения – да и семья не очень-то нам нужна! Выкинем в помойное ведро истории викторианскую мораль, а лучше всего, вообще всякую мораль, несовременные манеры и нравы! Нам нужны сквозняк, свежий ветер, вихрь, буря, огонь, пожар, пушки, танки – мы устремились вперед, в черную воронку все очищающей войны!

Кр-руто!

Гимн войне, бунту, революции!

Зашкаливает самомнение вождей и толпы.

Какой смысл в борьбе за мир на европейских конгрессах в Гааге, зачем нужны антивоенные манифестации, если войны захотели сами люди?

Ускользает, гибнет разум. Прогресс – вовсе не гарантия разумного поведения людей, как выясняется.

И захлебнулось достоинство человека.

И правда, в самом деле, есть от чего тронуться рассудком! Люди устремляются вслед за Синей птицей. *Абсолютная истина* снится им по ночам. Существует ли абсолютная пустота? Мировой эфир? Счастье во всемирном масштабе? Разум в абсолюте и сверхчеловек? А Скрижали мудрости? А Свя-

той Грааль?

Разум правит бал, и мир захлестывает одна за другой волна открытий. Брошен вызов атому! Он, оказывается, делится еще на какие-то элементарные частицы – он ускользает, он устремляется в бесконечность пустоты... Где же абсолютная истина? А казалось, люди уже настолько приблизились к ней. Сбились с ног в погоне за Синей птицей – удачи, счастья, мудрости. Каждый – за своей... Вот ученые пытаются точно высчитать скорость света. А вот какой-то математик определил – ну, почти определил! – иррациональное число *пи*. Он вычислил его с точностью до более 700 знаков после запятой, кажется... Ну, правда, потом другой ученый нашел ошибки где-то после 500-го знака. Тогда-то ученых и стала посещать догадка: последовательность цифр в десятичной части *пи* бесконечна, и их сочетания не повторяются, а само число трансцендентно. Но что же таит в себе *пи*! Кладезь мудрости?

Числом *пи* заинтересовался и какой-то пока мало кому известный ученый – Альберт Эйнштейн... В научном мире все только и говорят о его последних исследованиях. О нем мало что пока знают, известно лишь, что он, кажется, разработал общую теорию относительности, но как-то трудно пока это осознать... Странен и непривычен этот его четырехмерный мир: к ширине, глубине и высоте он добавил еще и... время. Так, значит, все-таки оно живое – Время. И вообще, если все в мире относительно, то нет ничего прочного, следователь-

но, призрачно все, зыбко вокруг. Как найти абсолютную истину? Или нет в этом мире абсолютных истин? А во что же можно верить? И кому тогда нужно верить?

Все, что можно было изобрести, уже изобретено – или не все? Сводящий с ума вал открытий и новшеств. Все только и делают, что телефонируют друг другу. Все повально слушают радио. Накрывает с головой вал Нобелевских премий за изобретения, литературный талант, борьбу за мир – их получают писатели, ученые, главы государств и правительств.

Нет! Как-то странно это все, зыбко, непривычно... Сбивает с толку, обескураживает.

А какие теперь театры в европейских столицах! Повсюду слышны арии из «Богемы», «Мадам Баттерфляй», из «Тоски», «Электры»... Люди ходят в театры, а потом, гуляя вечерами по улицам, напевают полюбившиеся слова арий, которые уже помнят наизусть, насвистывают разлетевшиеся по всему белу свету мелодии любимых опер.

А что, вы уже слышали новость? На сцене «Метрополитен Опера» дают теперь «Сельскую честь» и «Паяцы», и там уже солировали чешская певица Эмма Дестин и несравненный итальянец Энрико Карузо... Да, я тоже еще не ходила. Но это ничего! Вы представляете, в крайнем случае, теперь эти оперы можно послушать и по радио!

А вот на сцене выступает Божественная Сара, и специально для нее великий мастер драмы Эдмон Ростан сочинил «Самаритянку» и «Орленка». А какой фурор произвела она

недавно в пьесах Дюма-сына! Помните ее Маргариту Готье в «Даме с камелиями»? Впрочем, и сейчас великая, бесподобная актриса Сара Бернар играет главные роли, гастролирует по миру, несмотря на искаленную ногу.

Ох, как здорово! В какое интересное время я попала, хотя и не мое оно, нет, не мое! На страницах журналов появилась реклама, а вечерние европейские столицы уже, как и в Америке, тоже начинают освещать неонами рекламы. И все теперь ходят в *синемаграф* на сеансы движущейся фотографии и смотрят короткие еще, конечно, всего-то минут на 15–20, не больше *синема*. Вот и мы пришли на сеанс целой компанией – а там! Правда, когда мы собирались в *синема*, мне лично хотелось посмотреть *Quo vadis?* Или *Последний день Помпеи*. Но в Париже эти сеансы уже давно прошли, а жаль! Ах, так и вы тоже не сумели еще посмотреть? А я-то думала, вы расскажете... Говорят, это что-то незабываемое, очень волнующее.

Однако! «Филм д'ар» Мельеса нас отнюдь не разочаровывает. Наоборот даже, превосходит всяческие ожидания. Да, не случайно такую шумиху подняли вокруг его «Путешествия на Луну!» Но только было это уже давно – несколько лет прошло. А сколько уже, кстати? Ох, как летит время-то! Не успеем оглянуться – и...

А мы тем временем смотрим «Галлюцинации барона Мюнхгаузена».

Интересно только, я это или не я сижу в зале, в предпо-

следнем ряду? Я что-то не поняла, наверное, я все-таки – во-он там, ну, вот же!.. Ой, ну как же ты не видишь? Хотя да, в темноте-то ведь ничего разглядеть нельзя...

А фильм великого Жоржа Мельеса продолжается почти целый час, вы представляете? Куда там до него первым синемаатографам братьев Люмьер! Позавчерашний день! А здесь вам и стоп-кадр, и замедленная протяжка киноплёнки – сногшибательные спецэффекты! Это невиданные чудеса!

Перед фильмом нам крутят кадры кинохроники... Это велогонки «Тур де Франс» – просто супер! И вот уже в них участвуют женщины – ничего себе! А посмотрите-ка, что учудили раскрепощенные американки-то, а? В Европе все только и говорят, что о женской автогонке из Нью-Йорка в Филадельфию! Ну, так *эти* американки, они чересчур экстравагантны, очень смелы и уж слишком современны. Куда нам, парижанкам, с ними-то тягаться!

Ралли Монте-Карло – это лихо, просто дух захватывает! Или вот еще... первый в истории трансконтинентальный автопробег по маршруту Пекин – Париж вдоль Сибирского тракта через Москву и Варшаву.

Да, теперь я вспоминаю: сколько же шуму наделал тогда этот пробег!

...Летающий с умопомрачительной скоростью прямо на публику в зале паровоз – ох! Даже как-то не по себе становится! Взрывающийся ввысь прямо на глазах неуклюжий аппарат братьев Райт... А, но ведь это уже совсем старая кино-

пленка: показывают их полеты из Китти-Хоук близ Дейтона на *Wright Flyer*-е с аэродинамической трубой и тремя осями вращения планера.

А вот уже американец Глен Кёртис совершает полет на первом в мире гидроплане. Дирижабль на поплавках приземляется прямо на водную поверхность – не утонет? А затем снова взлетает... с ума сойти!

...Летающий через европейский Пролив с сумасшедшей скоростью французский пилот Луи Блерио. Ничего себе! Ой! Долетит или упадет в воду? Ну, слава Богу, долетел!..

...А вот я вижу в кинохронике, как под Парижем французский авиатор Анри Фарман поднимается на изобретенном им самим – ну, конечно, *фармане* — в воздух, преодолевает по замкнутому маршруту заданное расстояние – и завоевывает приз в 50000 франков! А ну как сейчас грохнетя прямо в зрительный зал, мне на голову! Ох! Пришибет ведь!..

Кадры быстро-быстро сменяют друг друга, словно смотришь фотографии – только они движутся. А вот еще кинопленка. Это перелет россиянина Уточкина из Одессы в Дофиновку. Смелый авиатор должен подняться на своем *фармане*, пролететь одиннадцать верст над заливом и спуститься на землю в Дофиновке. Я вижу невысоко над водой аппарат Уточкина... Сногшибательное зрелище! Это же предел всему! Вот он оторвался от земли и теперь – ну, вот, вот же он, видите? Вот, да поднимите же голову, чего ж вы, а?!

Треща мотором, летит он невысоко над морем. Ну что, увидели, наконец? И тысячи зрителей-одесситов, собравшихся на берегу моря, а потом и зрители синема в разных городах мира видят в лучах заходящего солнца велосипедные колеса аэроплана, бак и даже крохотную согнутую фигурку самого пилота, повисшую прямо над морем, кричат от восторга, рукоплещут...

Господи, а это что за ужас такой? А, дредноуты! Жуткие сооружения, такие до сих пор только в кошмарах могли присниться... Вот же англичане, что учудили! Ведь это мистификация какая-то! ... И опять английская кинохроника: маршируют британские солдаты, поют, раздаются слова веселой, почти легкомысленной песни:

It's a long way to Tipperary, it's a long way to go⁵...

Новый кадр. Лето. Отдых у моря. Пляжные зонтики, причудливые трико пляжных купальных костюмов. Непонятно одно: скрывают ли они или скорее подчеркивают несовершенство фигуры?..

Вот кадры опять быстро сменились – и я уже вижу сборочный цех и конвейер на американском заводе миллионера Форда. Рабочие быстро-быстро собирают детали, конструируют машины. Да, но то в Америке, в Европе это новшество

⁵ Путь далёкий до Типперери – маршевая песня британской армии, появилась впервые в 1912 г.

еще только обсуждается.

Вновь смена кадра – и вот уже показывают торжественное открытие Симплонского туннеля. Только диву даешься: и как это его прорыли в самой горе! Длина его целых двадцать километров – он самый длинный в мире! Ведь это уму непостижимо!.. А на торжественной церемонии открытия присутствуют и высочайшие гости. Вот они на экране крупным планом – швейцарский президент и итальянский король. И надо же, какой король-то этот забавный, неуклюжий, голова непропорционально большая, а ноги совсем короткие, и красотой уж точно не блещет! Не случайно итальянцы за глаза называют его – *Schiaccianoci* — Щелкунчик! Меткое прозвище, надо признать. Бедная его супруга, королева Елена! Однако это тоже уже старая хроника... Сколько лет прошло – пять, шесть?

Снова надвигается картинка – российские моряки, оказавшиеся в порту Мессины, самоотверженно спасают несчастных жителей города, которые пострадали в результате извержения вулкана Этны. Господи, ну почему столь часты такие катастрофы, а уж в Италии особенно?

И, наверное, вот последние на сегодняшний день кадры синема. Это Российская Империя, Санкт-Петербург... Показывают царскую семью... Царь Николай II, царица, величественная, с холодной любезной улыбкой на красивом лице, – говорят, ее в Российской Империи не очень-то любят; наследник – царевич Алексей, высокий для своего возраста,

миловидный мальчик. Все они исполнены достоинства, вон как величественно, как торжественно несут себя... Но она же слаба, эта власть! Это видно даже невооруженным глазом. Слабеет, угасает российская власть, воспринимается многими думающими людьми как ничтожная.

...А тапер синема знай себе наяривает фривольную мелодию матчиша⁶ а ля Феликс Майоль и Борель-Клерк...

Ну и ну!..

Актрисы – *вамп*. С ума сойти! Сегодня, в XXI веке, их называли бы мега-звездами. На сеансе – загадочная *starlet*⁷ Лида Борелли. Обворожительная Франческа Бертини. Томная Вера Холодная. Несравненная Мэри Пикфорд, с ее всепоглощающей неэкранной любовью... Ее встречи и расставания, ее браки и разводы.

...Париж, Монмартр и Мулен Руж... Законодательницы мод, экстравагантные женщины-вамп умопомрачительной красоты – аж мороз по коже подирает от омута их бездонных глаз. Неправдоподобно расширенные белладонной или кокаином, а может быть, и тем, и другим, зрачки, взгляд, затуманенный или, наоборот, пронзающий насквозь, изощренно манящий, брошенный внезапно из-под густых длинных ресниц, отбрасывающих на пол-лица тени стрелами, и суля-

⁶ Матчиш (Машише) (порт. *maxixe*) – бразильский танец, популярный в Европе и Америке на рубеже XIX–XX веков. Также известен как бразильское танго. Появился в Рио-де-Жанейро в 1868 году. Назван в честь города Машише в Мозамбике.

⁷ Кинодива, звезда.

щий счастливому избраннику нереальное, неземное блаженство... А уж шляпки – ах!..

Непревзойденная актриса, огненная танцовщица, утонченная стриптизерша в восточном стиле, великая куртизанка, таинственная девушка-вамп – страстная парижанка, голландка, малайка, Бог знает! Сколько в ней шика, сколько очарования... Нет, это слово вышло из моды уже в прошлом году – я не хочу быть несовременной. Она бесподобна, она окутана тайной, словно густой вуалью в мушках, она – умопомрачительная Мата Хари. Неуловимая шпионка, шикарная девушка, так любившая мужчин, особенно в военной форме, но не оставившая равнодушным ни одного встретившегося ей мужчину. Обольщение – вот ее безошибочный метод, интрига – вот ее неподражаемая дипломатия, цианид ртути – вот ее непробиваемое средство защиты своей свободы от ненужных ей детей, наскучивших связей, опостылевшей семьи, ненавистного мещанского быта. М-да!..

Жарко. Знойно. Ленивые, окутанные легкой золотистой дымкой, неторопливо и незаметно текут летние дни большого европейского города. Скользит по рельсам спокойная размеренная жизнь, с утра до вечера, без спешки, толкотни, без ненужной суеты. Прозрачные, томные, окутанные призрачно голубой дымкой гулкие вечера оглушают, бьют по нервам...

Лето. Париж, *синий час*, тонкая, как паутинка, дымка, голубоватый флёр, умопомрачительные шумные кафешантаны, дразнящая слух фривольная музыка. Всхлипы скрипки,

вздохи виолончели... Старый утонченный – искрящийся радостью, призрачный, почти утраченный мир. Ох, уж этот Париж!..

А теперь? Редко-редко мелькнет где-нибудь там, в толпе, дорогой, пошитый у хорошего мастера ателье элегантный костюм... цилиндр... Ведь носить его недемократично, да и опасно, – ах, это аристократ! И все же... мода шантеклер, шляпки шантеклер с неперменными умопомрачительными перьями и оттеняющими взгляд полями, куафюр. А, прощай, корсеты, ведь это несовременно, и шик отсутствует! А юбки шантеклер – широкие в бедрах, узкие-узкие внизу и уже не в пол, представляете? Уже хорошо видны ножки, обутые в маленькие изящные туфельки на каблукках, и тонкие шелковые чулки, и такие соблазнительные женские шиколотки... Какое очарование! Нет, это несовременно – говорить так! Как шикарны эти юбки шантеклер! Как *шикарны*, как неповторимы женщины в этих нарядах! И правильно говорят об этой нашей эпохе современники: *Belle E'poque*⁸.

Да, но... ох, и как же мне неудобно-то в такой юбке – ходишь, будто стреножили тебя, а уж на велосипед садиться! А, в общем, ничего, все же умудряются.

И снова Париж, и Всемирные Промышленные выставки – ой, как интересно! Всемирные достижения науки и техни-

⁸ Прекрасная эпоха, Блестящая эпоха (фр. *Belle f roque*) – условное обозначение нулевых годов XX столетия – периода европейской истории подъема и процветания, продлившаяся до начала мировой войны 1914 г.

ки – вот это да! А это что? Ну-ка, продегустируем? Ух ты! Судя по всему, это шустовский⁹ коньяк «Фин-Шампань Отборный». Это ему был единодушно присужден Гран-при!

Или вот еще! Ну, радио-то нас уже не удивишь! А вот радиообращения с Эйфелевой башни – и куда?! На другой континент!

Ой, как здорово, как весело, как интересно здесь жить! Как легка эта жизнь, как наполнена она смыслом, значением, событиями!

По улицам шастают сумасшедшие суфражистки в костюмах мужского покроя, мужских ботинках с грубыми носами, с плакатами и массивными длинными зонтиками в руках. Эпатаж. Мы хотим свободы! Мы больше не хотим буржуазной семьи – мы желаем свободных от уз связей! Да здравствует свободная любовь! Мы хотим избирать тех, кто нравится нам, а не нашим мужчинам, и любить тех, кого нам захочется, и столько раз, сколько нам захочется!

...А, так это же прославившаяся на весь мир Эмма Гольдман! Красная Эмма, бывшая подданная Российской Империи, уже несколько раз попадала в тюрьму в США, а несколько лет назад была даже лишена американского гражданства. Но из Америки ее изгнать пока не удалось – и она все не унимается, выступает с лекциями, воспекает анархию, поло-

⁹ Шустовы – русский дворянский род, восходящий к началу XVII века и записанный в VI часть родословной книги Курской губернии. Занялись предпринимательством и стали успешными. Построили коньячные заводы в Армении, на Украине (Одесса), в Москве.

вую распушенность и призывает к свободной любви. Ух ты, какой хоровод феминисток водит она здесь, в Европе – даже из-за океана это у нее выходит отменно! Она шикарна, она экстравагантна, она просто предел всему! Она независима и свободна, как ветер! И вот уж кого не упрекнешь в несовременности!

Ой, в ход пошли зонтики! Ату его, по шее, по голове! *А чего он тут?!*

И ведь вот до чего же дошли! Феминистки Лондона дубасят зонтиками министра Черчилля! Ох, уж эти англичанки! Но все-таки... ведь это же несправедливо! Мужчина решает, куда и когда, и с кем поехать женщине отдыхать, с кем и как проводить свободное время и даже – сколько ей иметь детей и как распорядиться собственным имуществом. Женщина же не может вообще ничего – она не имеет даже права требовать развода, когда муж надолго покидает семейный очаг и супружеское ложе.

Феминисток сажают в тюрьму – а они объявляют голодовку. Их кормят насильно через питательные трубочки, отпускают домой отдохнуть – а они снова хулиганят, попадают за решетку... И бунтуют снова и снова! Ну разве это разумно? Вот хозяйева и избавляются от женского персонала в барах, запрещают продавать дамам алкоголь и сигареты, штрафуют за курение в общественных местах. Но, с другой стороны, надо же и женщинам поразвлечься: эти малютки просто скучают!

Однако у женщин-суфражисток серьезные намерения – и вот они уже выступают за свои права на международных конгрессах. Копенгаген... Амстердам... И вот уже в Великом княжестве Финляндском женщинам предоставляют избирательные права наравне с мужчинами. И, кажется, еще где-то... может, в Дании? Или только обсуждают пока? Но в большинстве стран все это неосуществленная женская мечта.

На улицах европейских городов все меньше ландо, карет, пролеток – зато повсюду громяют громоздкие, неповоротливые сооружения, воняют, гудят, издают оглушительные звуки – а-автомобили, ка-ккая гадость! Их становится все больше, больше... Господи, куда же они так летят! Гонят, как сумасшедшие, и куда только так спешат? Однако надо, пожалуй, смотреть по сторонам и ходить осторожнее, ведь под машины уже попадали несчастные пешеходы!

Неужели они приживутся?

А что же элита, старая и новая?.. Вера в потусторонний мир. Какой шик! Таинственные кружки, собрания в Париже, Берлине, Петербурге. Обсуждают идею Прогресса, секреты оккультизма и нумерологии, тайны Тибета и Шамбалы – столь велико обаяние Востока. В кружках жарко спорят, развивая теории деволюции и творческой эволюции, а теорию Дарвина предлагают выбросить на свалку истории. И эти – туда же! Они говорят о ноосфере, панспермии, разви-

вают идеи Плотина¹⁰ и неоплатоников, критикуют импрессионизм Леруа, творческую эволюцию Анри Бергсона¹¹, идеи нобелевского лауреата Сванте Аррениуса... Интерес к этим проблемам просто зашкаливает. Ну, надо же! Ведь и сто лет спустя, в начале XXI века, об этом будут писать, говорить, показывать в популярнейших программах по телевизору. М-да...

...Какие-то медиумы занимаются астрологией, эзотерикой, столоверчением, спиритизмом, вызывают из потустороннего мира неподдающиеся рассудку и вовсе несуществующие в нашем подлунном мире пугающие энергетические эфирные сущности – прямо *тень несозданных созданий... на эмалевой стене*¹². А, пожалуй, это забавно. Ангелы и архангелы, тонкий мир и энергетический уровень бытия – и полная тайн, никем не виданная чудесная страна Гиперборея или Атлантида, или Шамбала... Поиски пути в иную, параллельную реальность. В этих кружках вызывают духов предков, читают «Тайную доктрину» госпожи Блаватской, обсуждают шокирующее заявление герра Ницше о том, что Бог умер и рождается сверхчеловек, вспоминают катрены

¹⁰ Плотин – философ, создавший в Египте в III в. философскую школу и учение – неоплатонизм. Идеи Плотина вдохновляли средневековых мистиков, художников Возрождения и поэтов Серебряного века, а его философия нацелена на поиск красоты.

¹¹ Анри Бергсон (1859–1941), выдающийся французский философ, психолог, писатель, издал в 1907 г. нашумевшую книгу «Творческая эволюция».

¹² В.Я. Брюсов. Творчество.

Нострадамуса... А еще – какой ужас! – изучают магию, каббалистику, занимаются сатанизмом, поклоняются Пустоте, Черному квадрату, Князю Тьмы... И число таких обществ постоянно растет: вот недавно, я где-то читала, в Вене образовалось некое оккультное общество Туле... Боже, просто какое-то умопомрачение – и все это в XX веке!

В кружках поклоняются теперь новым Богам – ими уже стали Разум, Прогресс. Верят в безграничные возможности человеческого Разума. А кому-то удается даже соединить Разум с потусторонним миром. Что ж, ничего странного. Если возможности человека ничем не ограничены, то ему подвластны и потусторонний мир, и эфирный, и надвременно тоже!

И все же: как можно связать воедино эзотерические учения и веру в Прогресс? Не понимаю. Господи, что же дальше?

Наступило весеннее парижское утро – ясное, звонкое, сияющее яркими, совсем уже летними красками, благоухающее свежестью. Небо синее, словно облили его голубыми чернилами. Я вижу, как люди толпятся у газетных киосков, быстро-быстро раскупают газеты, а там что-то жирными буквами напечатано на первой полосе, и что-то горячо обсуждают... Я тоже покупаю сегодняшнюю парижскую *Le Matin*...¹³

¹³ *Le Matin* (Матэн) – недорогая и одна из самых популярных газет в Париже и во Франции. С начала 10-х гг. XX в. Франция и США делили первое место в мире по выпуску ежедневных газет. Франция была признанным лидером среди европейских читателей.

Ах, да! Ну, как же я могла забыть! Прямо на первой полосе! Титаник!!! Ну-ка, почитаем.

«15 апреля... Незадолго до полуночи с 14 на 15 апреля комфортабельный британский лайнер «Титаник», самый большой из всех когда-либо сходивших с доков, который всего за несколько дней до того совершил успешное пробное плавание, а 10 апреля вышел из гавани в Саутхэмптоне, что в Великобритании, с заходом в Шербур вечером того дня, чтобы отправиться в свой первый рейс через Атлантику к берегам США, неожиданно натолкнулся на айсберг. Столкновение оказалось трагическим. Спустя всего два часа сорок минут после этой ужасной, ставшей роковой, встречи гигантский корабль затонул в 2 часа 27 минут ночи близ берегов Ньюфаундленда. Из 2224 находившихся на борту пассажиров погибли 1513 (по другой версии 1502) человек! Выжили всего лишь 710 пассажиров».

Какой кошмар! А ведь всего месяц назад эти англичане такую шумиху подняли! Пробное плавание, непотопляемый корабль, новая эпоха в истории мореплавания...

«Титаник» совершал плавание в США. Америка... Слишком она молодая, кипучая. Американцы так и пышут здоровьем, свободны, энергичны, предприимчивы. Чересчур предприимчивы и независимы для Старого Света и вечно пребывают в поисках новизны – старушка Европа переносит это с трудом.

Потрясенная этой страшной катастрофой, с развернутой

газетой в руке, я направляюсь в ближайший бар, благо, их тут множество, на каждом шагу А, это же мое любимое кафе, и хозяин мне хорошо знаком. Всегда подтянутый, высокий, до невозможности галантный, одет элегантно, с иголочки, из нагрудного кармана его пиджака выглядывает свежевыглаженный платочек, подмигивает мне изящно сложенным уголком; усы надушены уже с самого утра. О, какой тонкий аромат – я это вижу, чувствую, – а ведь он уже совсем не молод. Да, Франсуа Луи настоящий француз, ничего не скажешь. Я уютно устраиваюсь за столиком на улице, под тентом, защищающим от слепящего апрельского солнца.

Франсуа Луи радостно приветствует меня, убегает в помещение, откуда волнами вытекает сложный аромат: уютный – только что помолотого кофе, сладкий – шоколада, и еще какой-то – свежий, бодрящий, вкусный. И моментально, не заставив меня ждать и трех минут, хозяин возвращается, а на подносе у него – крошечная изящно пузатая чашечка кофе и две крошечных шоколадных конфетки на блюдечке. Все это он ставит передо мной, и я сразу же вижу, что кофе сварен идеально – крепчайший, всего на один-два глотка, с вкусной даже на вид, клубящейся великолепной желто-бежевой пеночкой.

Хозяин, однако, не уходит, он расположен поговорить. Галантно попросив разрешения присесть за мой столик, он сначала выражает свое мнение по поводу гибели «Титаника» и... *Ох уж этих англичан*, у которых все и не могло полу-

читься иначе, *они* всегда такими были – самодовольными, высокомерными, вот ведь что получается, когда зазнаются, тем более, целый народ! После этого Франсуа Луи обстоятельно излагает самые последние новости о болезни его супруги, критикует действия врачей – ну, ничегошеньки они не знают и не умеют! Потом с негодованием в голосе сообщает, что сын его вот-вот опять потеряет работу. Ну, конечно, он так и знал! Вот же шалопай вырос на его голову! И почему все так получается?! Ведь маленьким он же был таким ангелочком! «Видели бы вы его!» Но это все, конечно, мамочка его драгоценная постаралась. Это она его испортила, так избаловала, а он говорил ей, сколько раз говорил, но разве женщина когда послушает, что ей умный человек говорит! Потом, со слезой в голосе, хозяин докладывает, каким мерзавцем оказался муж дочери: двоих детей произвел на свет, а содержать их не может, и все-то он уезжает в какие-то командировки, ненадолго, на день-два, а дочка постоянно плачет – невесть что думает... А еще притворялся, гад! И ведь он, отец, все видел и предупреждал! *Вот как слушаться-то надо родителей!* И Франсуа Луи назидательно поднимает свой длинный и тощий указательный палец вверх, долго держит его точно перпендикулярно земле.

«И вообще, – горестно качает он головой, – в стране черт знает что творится, давно уже порядок пора навести, а то нестабильность, вон какой кризис, и о чем только эти радикалы там, в правительстве, думают! Вот раньше – так был же

порядок!»

Все это я знаю уже наизусть, ведь я часто захожу сюда, чуть ли не каждое утро. Поэтому слушаю в пол-уха, потом допиваю свой кофе, приветствую словоохотливого хозяина кратким *Salut!* с отчетливым парижским произношением и покидаю его гостеприимное заведение.

Да, теперь уже я спешу. Тороплюсь в отель – надо собираться. Времени-то остается совсем в обрез, а до гостиницы еще далеко. Взять такси, что ли? Но неизвестно, остановится ли машина в этом месте. Может быть, ее следовало вызвать заранее – попросить хозяина? Надо, однако, попробовать.

...Что-то не слишком уютно мне в этом мире. Время течет очень медленно и лениво... Это непривычно. А с другой стороны, пошаливают анархисты, и царит лицемерная мораль, и не только в Англии, но и в Париже – в *Па-ри-же*, нет, вы только подумайте!.. И женщин ни во что не ставят, и они взбесились, и мужчины тоже взбесились, но по-своему, и все теперь опять стали язычниками: поклоняются огню, стальному кентавру, числу *пи*, дредноуту, пушке, Мировому Злу, войне...

И вообще, я слишком долго задержалась *здесь* — пора возвращаться...

Но по дороге в гостиницу я невольно останавливаюсь.

...О, а это что такое?.. Летняя танцверанда, и пары, сливаясь в восторженном сексуальном экстазе, то медленно, то, все ускоряя темп, страстно касаясь друг друга бедрами, со-

вершают синхронно не вполне приличные движения...

И звучит сладкая и огненно-страстная, чувственная и томительно-волнующая, захватывающая, ласкающая слух, пронзительная и сентиментальная, взлетающая ввысь на гребнях волн наслаждения и увлекающая в сулящие забвение невообразимые дали, вкрадчивая, обволакивающая мелодия... Танец-дуэль, танец-спор, танец-вихрь, танец-соитие.

Ах, да! Это же та самая непристойная рептилия, которой недавно очаровал европейские столицы никому до того не известный сеньор Энрике Саборидо из Аргентины или Уругвая, да Бог его знает? Да, да, конечно же, это танго! Пламенная *Ла Морча, Неувядающая*, которую он, без памяти влюбленный, посвятил королеве танго неотразимой Лоле Кандалес...

Или вот еще последний писк моды. Пронзительная «Кумпарсита» – законное дитя сеньора Хосе Родригеса... Да нет, кажется, это другая мелодия. А «Кумпарситу» Европа начнет танцевать уже после Великой войны.

Скажи-и-те на милость, какое неприличие! Безнравственный танец! Это не комильфо. Низменно! Непристойно! Омерзительная рептилия. Боже, и куда только катится мир?

Викторианцы шокированы до глубины души. Правда, они несовременны и ничего не понимают в шике...

Вихрь, умопомрачение, безумие. Эпидемия, вакханалия танго.

...А вот уже и я вместе с несколькими подружками пришла на танцверанду – где это? – скромно стою в самом плохо освещенном уголке и с восторгом наблюдаю за танцующими парами. Как восхитительно танцуют они, какая изумительная музыка! Какой шик! Эх, вот бы и мне научиться так танцевать!

Но здесь собрались одни взрослые, таких, как я, стригунков, почти нет. Я прячусь за спины стоящих вместе со мной подружек, иногда только поднимаясь на цыпочки, выглядываю... Ведь они тоже еще не взрослые... Но вдруг кто-нибудь пригласит меня на танец, а я ведь так не сумею! Страх выливается из моих глаз, как чай из опрокинутой чашки, а подружки смеются надо мной: «Ой, да не прячься ты за нашими спинами! Ну что ты стесняешься?» Но как же странно я одета! Обтягивающая голубая кофточка с рукавами-буфами, узкая в ходу, уже не в пол, светлая юбка с причудливым узором открывает красивые туфельки, шляпка с перьями надвинута на самые глаза, в руке я держу длинный кружевной зонтик – прямо как в старом немом кино! Но как сладострастна, как чувственна эта музыка, какие тонкие, глубинные струнки души она затрагивает!..

Да нет же, это никак не могу быть я! Ведь я только что пила кофе в баре и разговаривала с хозяином Франсуа Луи... И потом, она же – ну, *эта* девочка – она же совсем еще ребенок! Но тогда кто же она? Я всматриваюсь в эту девочку. Она кажется мне странно знакомой. Да, конечно же, я ее часто

видела. И вообще – глаза вроде бы мои напоминают... Волос под шляпкой почти не видно... Фигура вот очень похожа... выражение лица... Это... я в детстве? Да нет, тогда еще не только я не родилась, но даже и моей мамы на свете не было! И все же... да! На старой семейной фотографии – вот где я ее видела! Это может быть – моя бабушка?

Мамина мама.

Мы с ней смотрим друг на друга. Мамина мама моложе меня в несколько раз. Мамина мама смотрит на меня с удивлением и молчит – и я тоже молчу Ну конечно! Все понятно. Она же меня не знает. Я пришла к ней из будущего – сто лет спустя.

...А далеко-далеко, где-то там, за морями, за долами, за горами, за реками пахло порохом. Уже раздавались издалика одиночные выстрелы, стрекотали пулеметные очереди, громоыхивали взрывы... Но никто этого пока не слышал, не чувствовал, не замечал...

Ой...

Наше время. Я...

Ой! Надо же, какой она – да нет, конечно, я! – совершила нырок или, лучше, заплыв в омут под названием Время, как глубоко занырнула! Интересно, сколько же времени я провела *там*, в Париже, сто лет назад, а может быть, и еще в каком-то крупном европейском городе? Мне показалось – долго. Несколько месяцев или даже лет, и я даже успела повидаться там с *той* — девочкой-подростком. А может быть, с *ней*! Но нет, то была, скорее всего, моя бабушка. Бывает же такое: собственными глазами увидеть свою бабушку девочкой!

А что же со временем? Оказалось, что прошло – я взглянула на циферблат наручных часов и просто глазам не поверила! – всего-то минут тридцать, ну от силы – сорок... Мда... Несомненно, я столкнулась с действием закона больших и малых объемов, запущенного в разных пространственно-временных реальностях. Ну, да, конечно! Ведь каждый человек помнит, как медленно тянулось время в детстве: тогда казалось, что учебный год в школе не кончится *ни-когда*. Время не то чтобы останавливалось – оно просто засыпало сладким сном. А что такое год для взрослого человека? Он пролетает молниеносно! Еще бы! Только успевай за ним: дни вон как выстреливают – один за другим, один за другим! Прямо пулеметной очередью!

А вот *там* — но ведь *там* все по-другому.

«Ну, хорошо, — возразила я сама себе, — но почему же тогда время течет по-разному в различных временных эпохах для взрослого человека?»

«Опять все просто, — размышляла я. — Ведь XX век, в который я попала, тогда только начинался, я застала его детские годы — вот время и скользило медленно, размеренно, не спеша, оно набирало скорость. А в конце столетия оно уже летит стремительно, ведь век стареет, и жизнь его идет к концу».

Нет, все равно такое объяснение вряд ли годится. Мыто ведь тоже живем в *начале* XXI столетия. И потом, все же, как по-разному течет время, когда оно почему-то вдруг искажается, ломается, когда пресекается нормальное течение времени и каким-то необъяснимым, кратчайшим путем соединяются разные реальности. Наверно, они не вполне безопасны, такие перемещения! Так вот затянет в Воронку — в черную дыру, в кротовую нору, в пространственно-временной туннель Эйнштейна — и не вернешься еще, пожалуй!

Вероятно, мое эмоциональное восприятие действительности фатально разошлось с реальностью — вот и возникли неумолимые ножницы времени. Гигантские часы с огромным циферблатом — часы под названием Время — вдруг начали жить своей жизнью. Отдельной от меня, от нее. Наверное, я каким-то образом настроилась на иную частоту маятника Жизни — такой вот получился пространственно-временной

континуум. Время провалилось, исчезло, стало *никаким*...

Вот только... зачем тогда этим часам нужны стрелки?

Но как же это все-таки увлекательно – путешествовать во времени через хронологический коридор!

Тогда, сто лет назад, чувство грандиозности, величия овладело значительным количеством людей на земном шаре, и произошло это очень быстро, почти внезапно.

Где, как потерялось достоинство старого мира? Человек разменял свое достоинство на грандиозность и атеизм, на свободу и равенство любой ценой, на вседозволенность, неуважение к жизни человека. А на сдачу получил мелкое честолюбие, расплескал достоинство и самоуважение на пути к величию, разлил его так, что осталось лишь на самом доньшке – разве соберешь теперь?

Разум и прогресс в начале XX века? Ну, ничего себе! Самонадеянный оптимизм, вера в вечный мир затягивали Европу в бесконечные кризисы, неуклонно толкали ее в кровавую воронку войны. Человечество, как гадаринские свиньи, шагало прямо к пропасти – и ничего не замечало. Ничего себе – *Belle E'poque!*

Обезумевший, потерявший себя где-то на крутых горках двадцатого века Разум прятался от самого себя, от прогресса, от непроявленной реальности и играл с ними то ли в жмурки, то ли в салочки. Рухнула и разбилась вдребезги идея божественного происхождения власти, и люди перестали уважать сначала монархов, затем вообще всякую власть,

а часто – самих себя. Человек с улицы бросил вызов аристократии. Массовый век вызвал на бои без правил старую элиту, прицелился не в бровь, а прямо в глаз элите вообще. А в России власть слабела с каждым месяцем, днем, часом. Власть, словно снулая рыба, судорожно зевала, тарасила свои полумертвые, уже подернутые мутной, белесой, застывающей прямо на глазах пленкой глаза... а потом она умерла.

Но и повсюду в Европе уходили в прошлое индивидуализм, голубая кровь, хорошее происхождение, образованность, достоинство и нравственность, да и теория Дарвина, в ее примитивном изложении а ля Томас Хаксли, оказалась как нельзя кстати. Затем человечество рухнуло в пропасть Великой войны... А после мировой войны разные страны пошли разными путями, стали расходиться вместо того, чтобы сблизиться. Свобода – эта старая, как мир, мечта, этот старый кумир, напяливший на себя новые, почти не узнаваемые шутовские одежды, – свобода захлестнула мир огромной мутной волной. Кто-то сумел выплыть, не захлебнувшись в отвратительной горько-соленой жиже... Судьба других была определена как минимум на столетие.

Ух, какой шторм свободы поднялся тогда в нашей стране! Как захлестнули ее, как затопили волны этой неуправляемой свободы!

Какой узнаваемый облик приобрела эта свобода, какой шутовской колпак нацепила она себе на голову!

Даешь *швободу!!!*

Гопникам захотелось *швободы*.

Что заставляло этих людей терять человеческий облик?

Вылезла из щелей и дыр, показала острые клыки социальная зависть.

А Время стало мстить за себя. Оно завязалось в тугой узел, разорвалось, извернулось сотнями мерзких ядовитых гадов, и...

А, вы хотели сильной власти?! Так она придет очень скоро! Пройдет всего несколько лет – и вы получите сильную власть. Ах, вы хотели свободу-анархию? Так получайте произвол и диктатуру!

Советская страна устремилась на покорение пространства, а заодно и времени, растапывая свободу и достоинство простого человека. Но по плечу ли покорить пространство и время обычному смертному, даже если он Вождь Всех Времен и Народов?

А за величие диктаторов XX века, за близость коммунистического Завтра придется расплачиваться в течение столетий. И не только России.

...И вдруг как-то неприятно замелькало перед глазами, замаячило где-то далеко, на заднем плане, зловещее сооружение гильотины, показались где-то в отдалении фригийские колпаки экзекуторов...

Ой! Ну, в точности все так, как я рассказывала недавно

студентам и, описывая якобинскую диктатуру, рисовала на доске красный фригийский колпак якобинца и косою острый нож этой убийственной конструкции. Вот, вот оно! Прямо сейчас, всего через несколько секунд неумолимый этот нож падет на безропотно склоненную голову – и отсечет ее очередной жертве...

Я отвернулась, изо всех сил зажмурилась. Ну уж нет, дудки! Вот туда-то мне точно не нужно. Не дай Бог попасть в эпоху Террора! Неважно, какой чеканки – якобинской, сталинской, нацистской.

В воздухе остро запахло опасностью. Страхом.

Да нет же! Это ерунда! Какая опасность может угрожать в наше время? Эпоха диктатур давно прошла, они остались в XX столетии, а история едва ли повторится, в точности воспроизведя старую модель власти. Хотя... так ли? Ведь иногда эта затейница выкидывает такие номера, что только диву даешься.

И все-таки как страшно, как жутко попасть в непроявленную реальность пространственно-временной Воронки!

Часть I

Шалости воронки

Наше время. Я...

Я не торопясь пошла по тропинке в глубь леса. Да, в обычные дни трудно позволить себе не торопиться... Просто остановиться. Оглянуться.

С лекцией все понятно – теперь я знаю, как начну рассказ о двадцатом столетии.

...А ведь погода сегодня – нет, не просто яркая, солнечная. Там, у здания пансионата, снег начинал таять, с крыш закапало. А здесь, в лесу, сумасшедшая от счастья зима торжествовала, заходясь от восторга по каждому, даже самому незначительному поводу – просто потому, что она такая красивая, здоровая, вечно молодая, – и звучала на самой высокой ноте. Вот как бывает, оказывается! Побываешь во временной дыре – и начинаешь совсем по-новому, отчетливее, глубже, острее чувствовать окружающее тебя настоящее. Да, ленивая, сонная у человека душа. Что же нужно, чтобы она проснулась и начала замечать, как прекрасен этот мир? Интересное дело? Друзья? Любимый человек рядом?

Я с трудом вернулась на постоянное место жительства – в февральский лес подмосковной России начала XXI века...

Золотисто-оранжевое солнце излучало радость, смеялось, ослепляло. Оно полыхало, струилось, поливало золотым светом мачтовый лес, добираясь до самых дальних его уголков. Солнце разбаловалось, играло с солнечными зайчиками, подбрасывало их на верхушки высоченных сосен, пускало пучками сверкающие лучи на свежую лыжню, на лесную тропинку, убегавшую лесом к старым дачам, наполняло ярко-золотым маревом, переливая его через край, глубокий овраг, отделявший лес от старой академической Мозжинки¹⁴. Снег искрился, весело поскрипывал, вкусно хрустел под ногами, как поджаристая хлебная корочка за обедом. В воздухе разливался свежий аромат только что нарезанного на кусочки спелого арбуза.

Жадными глотками, обжигая горло, я пила горячий золотой напиток, которым гостеприимно угощало меня солнце. Напиток этот лез в уши, в глаза, проникал под кожу – я просто захлебывалась им!

Мир вскипел однажды.

Он запольхал и не погас...

Странно, много лет не вспоминала любимую мелодию и

¹⁴ Мозжинка – сегодня дачный посёлок на высоком левом берегу р. Москвы (на Мозжинских горах) чуть восточнее Звенигорода, до начала 80-х гг. XX в. – территория пансионата Академии наук..

эти стихи совсем забыла, а теперь, вдруг... Растревоженная солнцем и радостью и боясь разбудить тишину, я замедлила шаг, чтобы снег не так хрустел под ногами, и принялась тихонько, вполголоса, с удовольствием напевать старую итальянскую песню, на ходу меняя, переставляя слова. Ноги сами несли по лесной тропинке, убегающей в Мозжинку среди заснеженных деревьев. В теле ощущалась непривычная легкость, почти невесомость: сверкающий лес излучал непонятную живительную силу. Хотелось петь, смеяться... И внезапно, как яркая вспышка, промелькнуло забытое, очень давнее – из детства, из другой жизни? – теплое, золотисто-оранжевое воспоминание... сверкающие косые солнечные лучи-столбики... Я точно знала: *там* жило счастье... Но когда это было, где я видела тот золотисто-оранжевый счастливый мир грез – не могла вспомнить.

Зато тревога, давящая, зажимающая, не дававшая покоя с самого утра, неожиданно отпустила, и стало светло, легко, радостно.

Я постояла на старом деревянном мосту, перекинутом через глубокий овраг, на дне которого вился, клубясь, захлебываясь паром, небольшой, в самую стужу не замерзающий ручей.

Вдоволь налюбовавшись строгим, даже торжественным видом этого величественного альпийского пейзажа подмосковной Швейцарии, послушав ее гулкую, пронзительную тишину, продолжила путь и скоро оказалась в старом засне-

женном парке Мозжинки.

Академические дачи встретили меня оглушительным молчанием, от которого заложило уши: вероятно, зимой сюда приезжали редко. Внезапно вспомнилось, как весело я проводила здесь время очень давно, отдыхая на одной из дач, когда в них еще располагался пансионат. Как это было давно! Страшно вспоминать!

...Мир ожил, наполнился странно знакомыми, причудливыми звуками, заиграл дивными яркими красками. Послышались звонкие, полные радости, беззаботные молодые голоса, музыка, громкий смех ... И – ой! Кто-то запустил снежком прямо мне в спину, попал между лопаток, игриво засмеялся, схватил за руку... Почудилось, зовет по имени: «Ну что ты там копаешься? Пошли скорей к речке – на санках с горы кататься!...»

Обернулась – конечно, нет! Кругом тихо. Пусто. Ни души. На залитой солнцем заснеженной дорожке парка – никого. Просто воспоминания нахлынули такие неподдельно живые, отчетливые, искрящиеся, как снег в парке Мозжинки. И на секунду показалось: я вернулась в прошлое, в давно ушедшие морозные дни, где правила бал радость, жило счастье, осталась юность... Ожили, задвигались, подступили тени прошлого. Ко мне вернулись, заговорили на разные голоса забытые друзья-товарищи тех давних дней. Золотисто-оранжевый флер растекался по старому парку..

Дорожка привела к старинному двухэтажному белому

особняку с колоннами. Когда-то здесь располагались столовая пансионата, администрация, кинозал, бильярдная... Как весело мы проводили там время по вечерам! В том кинозале я посмотрела еще черно-белый французский фильм «Супружеская жизнь». Трогательный фильм, пронзительный, оглушающий – он запомнился на всю жизнь. Как странно, как трагично: неужели любящие люди не могут научиться слышать и слушать друг друга? Неужели нежелание понять даже самого близкого человека заложено в самой человеческой сущности?

Бьющая фонтаном, переливающаяся через края радость. Встреча с юностью...

Вдруг за спиной захрустели по снегу быстрые легкие шаги, кто-то подошел, неслышно ступая, едва коснулся моего плеча, тихо-тихо позвал по имени. Но ведь на дорожке парка не было ни души! Почудилось? Я резко обернулась и – от неожиданности даже вскрикнула.

Это была *она*. Юная, беззаботная, улыбающаяся. Господи, ну конечно! Вот почему с самого утра меня так влекло сюда! Словно не прошло... сколько? 30... 35 лет?.. Много.

Она молчала. Только улыбалась. Мы, не говоря ни слова, смотрели друг на друга. И было что-то такое в ее глазах... Вопрос? Сожаление? Горечь?

Но я не понимаю, что же такое со мной случилось сегодня? Время снова завернулось петлей, пролилось в узкий туннель...

Стоп-кадр!

А затем стали наступать, сменяя друг друга, кадры кинохроники. И вдруг возникла перед глазами гигантская переводная картинка. Она проступала все отчетливее и, наконец, совершенно заслонила от меня ее, лес, парк, солнце... Я дотронулась до картинки пальцем – прежнее изображение исчезло, зато появилось какое-то новое, начало проявляться, как полароидный снимок, а затем снимок ожил, задвигался сам собой. Словно в DVD фильме, прокручиваемом в замедленном темпе 1/8.

Что это? Снова временная дыра? Ворота в виртуальную реальность? Портал в параллельный мир? Трансцендентная реальность?

...В тот солнечный майский день много-много лет назад она...

Много лет назад. Она...

...В тот солнечный теплый майский день так хотелось погулять, встретиться с Аленкой – школьной, *родной* подружкой, сходить в кино...

Ведь Первое мая – праздник, все веселятся, гуляют, а ты вот сиди тут и пиши курсовую работу! А через пять дней сдавать зачет по латыни и конспекты по истории Древнего мира! Слава богу, вчера привела в порядок конспекты лекций по КПСС, закончила конспектировать Тезисы к столетию В. И. Ленина... Вот ведь как все навалилось! И мама звонит чуть ли не каждый час – беспокоится, проверяет, как продвигаются дела.

Она смотрела в распахнутое окно и с радостью замечала: май решительно вступает в свои права. Май всегда был ее самым любимым месяцем. И правда, ее отец часто повторял: «Как же может Майя – и не любить май!»

Деревья прямо на глазах надевают на себя широкие светло-зеленые кимоно, окутываются нежной прозрачно-зеленоватой кисеей с изумрудными пуговичками. Небо смотрит свысока. Оглушительно счастливое небо – глубокое, синее-синее, и во всем огромном небе не видно ни одного, даже самого крошечного облачка. Оглушительно счастливое небо. словно вечером накануне Первомая старательные хозяйки устроили генеральную уборку: надели фартуки, повя-

зали головы косынками, взяли тряпки – и вымыли небо, будто гигантское окно, средством для мытья стекол, а затем еще и тщательно протерли его до блеска, не оставив на нем ни малейшего пятнышка. И воздух дышит радостью, искрится...

В конце первого курса приходилось много заниматься. Лекции, семинары, доклад, латынь и итальянский. Теперь вот курсовая по истории римского права в первом веке, и зачеты, как назло, надвигаются... А потом еще целых четыре экзамена! И до окончания сессии так далеко!

Поневоле часто вспоминалось, как весело она отдыхала в минувшем феврале в академическом пансионате в Мозжинке. Сколько новых знакомых – девчонок, ребят!

...Солнце, лес, замерзшая запотевшим зеркалом речка. Февраль выдался холодный, снежный – высокие сугробы намело кругом. Снежки, катание на коньках по льду речки, на лыжах по лесной лыжне! Кино, санки по вечерам после кино, мороз, румяные, пылающие от мороза и радости щеки, жаркое дыхание рядом, слетевшие на снег шапки, перепутавшиеся волосы...

Потом тепло большого зала – и партия в бильярд, а музыка гремит, и танцы до упаду, флирт, смех, пары, поцелуи в темных – и не очень – уголках... А поздними вечерами или уже ночью – серьезные разговоры об Овидии, о Платоне, о греческой философии, высший пилотаж крылатых римских изречений, и обязательно на латыни – кто больше назовет! Ну и болтовня ни о чем или разговоры о сокровенном, о маль-

чиках, о Любви...

Ну вот, и опять отвлеклась. Целый час прошел, а ничего не написано.

День спешил, быстрыми шагами шел к вечеру. В окно постучал голубой предвечерний час, прозрачный и звонкий, как бывает только в начале мая. Она распахнула окно настежь, чтобы впустить его.

Все бы отлично, только вдохновение вдруг совершенно пропало, словно упорхнуло в раскрытое окно, и она не могла написать больше ни единой строчки. Вот как размечталась, а курсовую – хоть умри! – надо сдавать сразу после праздников.

К вечеру уже как-то забылось, что Первомай шагает по стране. Отгремел показательный первомайский парад, прогремывали по брусчатке Красной площади грозные танки в *сто тысяч тонн*. Отгрохотали бронетранспортеры, чудом только не ломая, не кроша мостовую, угрожая советским людям и всему миру, убеждая их в непревзойденности и непобедимости новейшей боевой техники, в превосходстве советской идеологии и организованного оптимизма. Отрапортовала криками «*Ура!*» и «*Слава!*», кумачовыми знаменами, кумачовым настроением отрежиссированная от начала до конца первомайская демонстрация...

Она терпеть не могла шагать в праздничной шеренге вместе с советским коллективом вперед, к победе коммунизма, и захлебываться счастьем революционного советского

праздника. Этого не позволял ей врожденный, хотя до какого-то времени дремавший индивидуализм. Ох уж этот коллектив!

Конечно, в раннем детстве она любила ходить с родителями на демонстрации, хотя это случалось довольно редко. Взмывающие ввысь, реющие высоко-высоко в небе разноцветные шары, маленькие красные флажки в детских руках, красочные транспаранты, которые несут взрослые, торжественные марши в строю, неосознанное чувство плеча – и праздника! Звонкие песни. А еще она всегда была так красиво, так нарядно одета – и с бантами в косичках! Да и в начальной школе тоже было интересно: на груди октябрятские звездочки с изображением маленького Вождя, потом прием в пионеры, торжественная *клятва*: «Я, юный пионер...». Красные галстуки, значки, пионерский отряд, звенья, увлекательные соревнования: кто соберет больше килограммов макулатуры, какое звено займет первое место в классе, победит в школе, а может быть, даже в районе... И, конечно, никто не задумывался в те звонкие, радостные детские годы, что стояло за всеми этими соревнованиями, какую цель преследовали партия и правительство огромной державы.

Весь день по радио и телевидению передавали бравурные марши.

Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя!

Вечером все смолкло. Из распахнутых окон больше не рвался наружу жизнеутверждающий оптимизм советской песенной классики.

Правда, надо признать, бодрое настроение эти марши создают и энергию вселяют...

Зато настала очередь концертов в честь Международного дня солидарности трудящихся – все те же советские патристические песни.

Примерный день. Примерный праздник.

Прилетели-таки волшебники и бесплатно показали первомайский спектакль. И, конечно же, по всем программам, а их-то всего раз, два – и обчелся! Лучше бы какой-нибудь старый фильм дали посмотреть сегодня вечером. Кажется, завтра будут показывать «Летят журавли». Но это только завтра. А сегодня... Хотя... все равно сегодня некогда... иначе никогда курсовую не закончить.

«Лживый пафос лживых пафосных деклараций советского пафосного декларативного рая», – повторила она несколько раз, нарочно путая, цепляя слова друг за друга, меняя их местами, двигая этот словесный паровозик с вагончиками сначала вперед, потом назад по игрушечной железной – только словесной – дороге.

Ох уж эти всенародные праздники, с руководителями партии и правительства, застывшими в привычной позе на Мавзоле и на трибунах, с обязательными маршами, бесконечными – и тоже обязательными – алыми стягами и ареопагом

вождей на портретах, с их безжизненными лозунгами, ку-мачовыми транспарантами и разноцветными облаками воздушных шаров в высоком васильково-синем первомайском небе!

А еще – с народными гуляниями, с непременными обильными возлияниями! Застолья редко планируют от начала до конца, но для них всегда находится предлог, а часто они затягиваются и, увы, не на один день. Хорошо, что в их доме этим никогда не увлекались.

Вот он и появился на свет – прозрачный синий вечер, ясный и теплый.

Из раскрытых окон слышалась теперь, к счастью, не революционная, очень популярная в ту весну песня Валерия Ободзинского¹⁵:

И надо б знать – что же случилось?

Бриллиантовый голос ее любимого певца – кумира 1960–1970-х годов, покорителя сердец миллионов советских людей – обволакивал, очаровывал, заставлял сердце трепетать, пробуждал неясную тоску...

Что это было? Предощущение чего-то огромного, захватывающего, неподвластного разуму, ожидание чуда, весенняя капель любви?.. Тоска по волнующему волшебному чув-

¹⁵ «Что-то случилось». Слова: Дм. Иванов, музыка Темистокле Попа. Исполнял ее, сделал шлягером Валерий Ободзинский.

ству, уже много месяцев жившая в ней, но до сих пор дремавшая, теперь вдруг очнулась от долгого сна, потянулась, зевнула, отозвалась тревожной сладкой дрожью во всем теле, дотронулась до сердца, прикоснулась к щекам, заставив их заполыхать... Жажда любви, возвышенной, неземной любви, какой, может быть, и не бывает в жизни, вспыхнула в ней, опалила жарким огнем. Мечта о рыцарском, романтическом обожании, о понимании – она читала об этом, знала это только из книг...

Ну вот, конечно! Так затянуть написание курсовой – а теперь надо сидеть все праздники!

Захотелось чаю. В кухне, зажигая газ и ставя на конфорку чайник, она вдруг вздрогнула – таким неожиданным оказался звонок в дверь. Но самое удивительное было в том, что она точно знала, кто пришел, словно ждала именно его сегодня вечером.

Ну конечно, это был Олежка!

Коротко подстриженные светло-каштановые волосы, как всегда, тщательно причесаны. Принарядился, элегантно одет: тонкий, безупречного покроя, красивый джемпер, в тон ему брюки, а стрелки – стрелками хлеб резать можно! А туфли начищены так, что он может в них посмотреться, как в зеркало и, достав маленькую расческу, немного поправить волосы (как он всегда и делает, приходя в гости...). Все это она отметила с удовольствием. Что ж, ничего удивительного, все правильно. Он всегда так выглядел, чуть ли не с пятого

класса, ведь уже тогда он просил свою бабушку погладить ему брюки, даже если просто шел гулять...

А темно-серые глаза смотрят чуть насмешливо – вон какие они шустрые, эти горячие смешинки с хитринками, вон же они притаились, где-то на самом доньшке глаз, и снова затевают игру в прятки – ух ты, как носятся! И улыбается он по-весеннему, светло, открыто... Да нет, вот как раз в улыбке что-то такое прячется! И вид немножко смущенный, но почему-то... может быть... непонятно... торжественный, что ли? Или показалось?

Г-мм, это довольно неожиданно – его приход. Он не появлялся уже давно. И вообще, они же поссорились! Надо же ему было так себя вести! Заявился тогда, недели две назад – или уже больше? – поздно вечером, да еще и сильно навеселе, и в таком виде начал признаваться ей в вечной любви, вел себя не совсем по-товарищески, а потом, когда она выпроводила его, обозлил ее отца ночными звонками. Вот после этого они и поругались: не может же она терпеть его выходки!

И ее отец ему тоже тогда высказал все, что думает о его поведении.

Ее дружба с *этим каторжником*, начавшаяся еще в школе, не вызывала восторга ни у отца, ни у мамы. В девятом классе Олежка, ее одноклассник, известный школьный хулиган, был осужден за драку и оказался в колонии для несовершеннолетних, где просидел целый год.

После этого он никак не мог окончить школу, рано стал выпивать с приятелями – и отнюдь не пиво! А еще, с точки зрения ее родителей, он был не слишком воспитан. И потом, это его пролетарское происхождение, его окружение, среда – пропасть между их семьями была непреодолима, несмотря на декларируемое советской властью всеобщее равенство.

И все-таки сегодня она была рада его видеть. Олежка ей немножко нравился, еще с восьмого класса. Ничего серьезного, конечно. Но она чувствовала, что нравится ему. А как хочется, как нужно это знать в семнадцать лет!

– Здравствуй, Майя! С праздником тебя! С Первым мая. Что делаешь?

– Привет! И тебя тоже – с праздником! А, да вот курсовую пишу, мне ее уже сдавать после праздников.

– Слушай... а ты... вообще-то... ну как... а ты не хочешь слегка передохнуть? А? А то сидишь здесь, наверно, целый день, в душной комнате, а сегодня ведь все-таки праздник. Знаешь, что... а давай в кино сходим или ко мне зайдем – у нас друзья в гостях, весело! А то просто погуляем. Как ты захочешь. Ну, давай, хоть ненадолго!

Олежка вел себя немного скованно – он явно испытывал неудобство. Держался натянуто, и было в его поведении сегодня нечто неуловимое. Точно! Что-то ее сразу насторожило. Да нет! Ничего странного в этом как будто и нет: он ведь такой неожиданный! Чуть позднее серой мышью проскочило, царапнуло ощущение – он что-то решил?! И это касается

ее... Да, похоже... Точно!.. Да нет, показалось!

Но он так просил: «Ну давай прогуляемся, сходим куда-нибудь, куда ты захочешь... Всего-то на час-полтора, не больше!»

Может, и правда стоит? Ведь так надоело корпеть над курсовой... Да и время совсем еще детское. И правда, ничего же не случится – она еще легко успеет написать страницы три, а то и четыре, когда вернется.

Она попросила его подождать внизу, у подъезда, и быстро закрыла за ним дверь.

– А кто это приходил-то, а, Майк? – это бабушка Юля вышла в прихожую.

Бабушка, родная тетя отца, заменившая ему рано умершую мать и растившая его с раннего детства, приехала в Москву из Горького и жила с ними всегда, сколько она себя помнила: своей семьи у бабушки не было. Маленькая, щуплая, совершенно седая, всегда в очках и в белом платочке в черную крапинку, с таким характерным, уютным, домашним, как чашечка свежесваренного кофе и тарелка гречневой каши по утрам, волжским произношением, от которого ей так и не удалось избавиться за годы жизни в Москве. А вот отец, уехавший из Горького в ранней юности, еще во время войны, забыл горьковский говор совершенно.

– Бабушка, да ну никто, никто это не приходил! Аленка это, кто ж еще! – на голубом глазу соврала она. – Я сейчас к ней ненадолго сбегая, ладно? Только туда – и прям сразу

обратно! А то она забегала, сказала – не может сейчас из дому уйти: гости у них.

Аленка была ее лучшей подругой. Дружили они еще с пятого класса и сидели всегда за одной партой. Но и теперь, окончив школу, они дня не могли прожить без общения, забегали друг к другу по несколько раз в день и всегда были в курсе дел друг друга, а в восьмом классе даже влюбились в одного мальчика – их одноклассника. Поэтому бабушку не удивило, что Аленка снова – уже второй раз за сегодняшний день – забежала к ним.

– А, ну ладно, сходи, сходи, конечно, погуляй, пока еще рано, а то ведь чего же дома-то сидеть в праздник? Да... А я вот моненько *поспала*, – Бабушка сладко зевнула, прикрыв рот ладонью. – Да... Ты вот токо отцу-то поди skoжи обязательно, а то он том, чай, роботот и не знот. – И бабушка ушла в большую комнату смотреть телевизор.

Она выключила в кухне почти уже выкипевший чайник и быстро оделась. Вот здорово! Как будто чувствовала: еще днем вымыла голову своим любимым голубым болгарским шампунем – от него волосы становятся мягкими и пушистыми и приобретают золотистый оттенок, только вот, поди, достань-ка еще его! – с удовольствием причесалась, слегка подкрасила глаза.

Проходя через гостиную, она услышала знакомую песню:

Ту заводскую проходную, что в люди вывела меня...

Это бабушка включила телевизор. А, значит, снова показывают «Весну на Заречной улице». Хороший фильм, только она знает его уже почти наизусть и сегодня смотреть уже не будет.

Некоторое время она постояла, не входя, на пороге кабинета, наблюдая за отцом. Он, как всегда, работал и в праздник. Склонился, даже как-то сгорбился весь, сидя за письменным столом, писал не то докторскую диссертацию, не то конспект новой лекции.

Редко-редко отец что-то зачеркивал в своих записях, потом методично, листочек к листочку, складывал уже исписанные ровным разборчивым, очень мелким почерком странички.

Время от времени он вполголоса зачитывал сам себе какие-то пассажи, покачивая в такт головой, совершал правой рукой одному ему понятные равномерные круговые движения, словно сам себе что-то диктуя или рассказывая, затем, взяв ручку, что-то аккуратно записывал на своих маленьких листочках... Он весь, с головой, ушел в работу.

«Ага, ясно, к лекции готовится, – поняла она. – Надо же, и ведь сам, по своей воле, сидит, корпит над лекцией – никто же его не заставляет, а до лекции еще целых три дня!»

А на столе порядок удивительный, для нее просто не постижимый, несмотря на разложенные, казалось бы, в беспорядке бумаги, какие-то толстые тетради, раскрытые книги...

Чуть выждав, она подошла, окликнула, обняла его за шею, клюнула в макушку.

Отец оторвался от какой-то книги и вопросительно посмотрел на нее:

– Ты что-то хотела, а, Майк?

– Да, хотела вот ненадолго выйти, проветриться, забежать к Аленке, – легким тоном, как бы между прочим, сказала она. – А потом – скоро – вернусь и снова засяду за курсовую.

– Да? Ну, хорошо, иди. Только возвращайся не очень поздно.

Олежка ждал ее у подъезда.

Вот с этого звенящего синего майского вечера и началась ее новая жизнь. В этой жизни жарко полыхали зарницы, тяжело, угрожающе нависали багрово-красно-черные грозовые тучи, сверкали ослепительными серебристо-белыми вспышками молнии, громыхали оглушительными раскатами грома грозы.

Белым облаком стремительно летела надежда, то загорался, то затухал пожар ожидания, жег, неистовствовал ветер страсти, закипало горем в котле наслаждение, кричала – раненая – боль, било током высокое напряжение, отчаяние.

Олежка пригласил ее к себе домой. Там было весело и шумно: гости, празднично накрытый стол, музыка, всякие вкусные угощения, остродефицитные деликатесы, принесенные его матерью из магазина, где она работала.

Его мать и бабушка приветливо встретили ее, усадили за

стол, стали угощать – они ее хорошо знали. Олешка сел рядом с ней.

После ужина он пошел провожать ее домой. А их сообщница – серебряная звезда, крупная, яркая, летящая в кобальтово-синем небе, как игрушечный самолетик, низко, над самым горизонтом, встречала, провожала и хитро подмигивала им во время пути.

Пути длиною в жизнь.

Они шли медленно, часто останавливались. Он смотрел в ее глаза темно-серыми глазами, ставшими внезапно такими яркими, горячими. Взгляд этот то обжигал, то обволакивал густым туманом, проникал внутрь, затягивал в омут горячей острой опасности. Земля вдруг задрожала, закачалась под ногами. Сладкая дрожь пробежала, как легкая, даже приятная судорога, по телу, смятение, растерянность, тревога толкались, отпихивая друг друга... И какая-то совсем уж непонятная, судорожная радость овладела всем ее существом, радость, возникшая именно от этого острого чувства опасности, – она вдруг осознала это отчетливо – как будто кто-то рядом толкнул ее и громко произнес: «Опасность!»

Так бывало в раннем детстве, когда набедокуришь. И потом, лет этак в тринадцать: когда родителей нет дома, ты, позвав в сообщницы главную подругу Аленку, вдруг приложишься, как бы невзначай, к стоявшей в баре бутылке коньяка – ну, совсем чуточку-чуточку, самую малость! Может, родители и не заметят? Или, взяв тайком из лежавшей в баре

пачки сигарет две – для себя и Аленки – и закрывшись от бабушки в своей комнате, сделаешь две-три затяжки...

А еще ей вдруг почему-то подумалось... «Вот! Наконец-то она совсем взрослая, у нее роман, и вот-вот начнется взрослая жизнь! Ведь у нее же свидание! Настоящее любовное свидание, как у Сани Григорьева и Кати Татариновой в сквере на Триумфальной – и их первый поцелуй»¹⁶.

И себе самой никак не объяснить, отчего возникло вдруг это непонятное, острое чувство тревожной радости, а может быть, и счастья. Возможно, потому, что впереди еще целая жизнь – и совсем скоро взрослая жизнь. И в плоть и кровь проникала уверенность, неизвестно откуда появившееся *знание*, что счастье непременно будет – и будет огромным, как сам мир! Ведь иначе непонятно, зачем же дана тебе эта жизнь.

Она еще успела подумать... Нет, скорее снова услышала чей-то голос – чей? – предостерегающе прошептавший: «Стоп! Подожди. Подумай, что может из этого получиться?..» Но слишком тихим был этот голос, и слишком сильным и неотвратимым – то непостижимое, огромное, постепенно заполнявшее ее всю чувство, что неудержимо увлекало, затягивало в горьковато-сладкую темную неведомую *Воронку*...

Страшно... Сладко... Опасно... Но так хочется пролиться туда, в нее, внутрь... Так хочется поверить!

¹⁶ Главные герои романа Вениамина Каверина «Два капитана».

*Нет. Не надо. Опасно. Нельзя. Там тупик! Стоп!
Да! Хочу! Это счастье! Оно будет! Точно будет!*

Разум и логика затеяли игру в прятки с интуицией и чувствами.

Нет! Она не могла воспротивиться этому внезапно захватившему ее чувству. Щеки полыхали, руки были холодны, как лед. Она вся дрожала. Шустрые, горячие смешинки с хитринками в его глазах прожигали насквозь, заворачивали – зачарованная, она не могла отвести от него своих синеватых глаз. И слушала его голос, и не понимала, как же могла его забыть, ведь ей это всегда так нравилось: слова у него торопятся, бегут-бегут друг за дружкой вдогонку, и перекатываются, и кувыркаются, и играют друг с другом не то в догонялки, не то в салочки, а последние слова стремятся опередить, перегнать, перепрыгнуть через те, которые он произнес раньше... Да, вот так он всегда говорил, когда был увлечен, когда ему было хорошо... И с наслаждением вдыхала его запах – горьковато-сладкий, мягкий, почти неуловимый... запах неповторимый, обволакивающий, очень мужской и как-то странно, непонятно почему знакомый, но совершенно забытый, словно родом из детства... или из другой жизни – она не знала, не помнила.

...И внезапно она его вспомнила, этот запах. Как же он притягивал ее еще тогда, в восьмом классе, когда они ходили по вечерам гулять вчетвером – она, Аленка, Олежка и Серый, ездили на каток «Кристалл» в Лужники. И там, на

катке, он однажды ее поцеловал... Вечер студеный, мороз обжигает лицо, хорошо, что ветра нет! Но им все нипочем, тепло, куртки распахнуты, шарфы сбились на сторону, а щекам горячо, вон как пылают. Они с Олежкой катятся быстро-быстро, взявшись за руки, весело болтают, хохочут... Вот у нее слетела шапка, а он быстро подхватывает ее и сам напяливает ей на голову и что-то приговаривает ворчливо, но ничего не слышно – музыка распростерла крылья над катком, порхает, летит, гремит... а руки у него горячие-горячие, а волосы у нее запутались, растрепались, полощутся по ветру. И он пытается их пригладить, пристроить шапку на место, легкими касаниями дотрагивается до ее лица, шутит, подсмеивается над ней. Все, получилось, и они лихо катятся дальше и громко смеются – ой, как быстро и весело, аж дух захватывает!

Так бывает во сне, когда летишь куда-то, легко-легко, и не можешь остановиться... А потом музыка изменилась, и потекла, разлилась над катком какая-то тягучая, трогательная, очень нежная мелодия, и они тоже покатались медленно-медленно, в такт музыке, и уже не смеялись, а только молча смотрели друг другу в глаза. И вот тогда он притянул ее к себе и поцеловал, тоже нежно и вроде бы мимолетно, случайно – но как-то *особенно*... До чего у него губы горячие, обжигающие, как неуловимы его движения, какое жаркое дыхание у них обоих... Ой! Что это еще за шуточки? Нет, это было уже что-то другое. И сам-то он, наверное, не ожидал такого,

смугился, кажется, покраснел, и они еще чуточку, пока не погасла над катком последняя искра той нежной мелодичной чудо-песни, покатались вместе – и молчали. А потом, когда началась новая мелодия, он догнал, схватил за руку, закружил на льду Аленку и до конца вечера катался уже только с ней... Но ведь и тогда этот запах показался ей каким-то особенным. А еще и откуда-то смутно знакомым.

Зима. Детство – или уже юность? Мороз и музыка. Румяная горячая радость. Искренний невинный флирт...

И еще... Его тогда освободили из колонии, и он сразу же пришел к ней в гости – такой счастливый, полный надежд, настроение приподнятое, нарядный... И вот тогда она тоже ощутила его, этот запах...

Интересно, помнит ли он об этом?

*И ты вслед за ним устремилась беспечно, легко.
Зачем? Я не знаю. По неизвестной причине...
Где ты?...*

Посмотрел на них тихий кобальтово-синий вечер, чуть слышно вздохнул, недоуменно пожал плечами и быстро ушел прочь. Только несколько раз оглянулся украдкой. Обиделся, наверное.

Что же случилось? Она не понимала. Голова кружилась. Сердце стучало медленно, гулко, тревожно. В звездном темно-синем кобальтовом небе громыхал гром... Или то салют гремел? Да, кажется... гремел салют, щедро поливая небо

разноцветными струями, раскрашивая его яркими сверкающими брызгами небесного фонтана... И летали молнии, и ослепляли. Только они ничего не видели и не слышали. Потом темный закоулок у какого-то дома. Потом какой-то подъезд...

Что это было? Внезапная вспышка? Озарение? Ливень, первая гроза в начале мая? Но небо было чистым, вон как звезды ярко светят, подмигивают им с невероятной высоты. Термоядерный взрыв? Какое-то иное – четвертое, пятое, седьмое измерение? Потусторонняя реальность?

Но что-то происходило.

Они пропали. Они ничего не видели вокруг себя. Улица пропала. Звезды погасли. Весь мир погас... Пришел кто-то огромный, в длинном, до пят, черном пальто и черной шляпе с широкими полями, и потушил сразу все фонари на свете. Старый мир взорвался, раскололся, закончился. Горьковато-сладкая теплая темная Воронка затягивала их все глубже, глубже... бесповоротно, а была она бездонной, бесконечной – и вернуться назад оказалось уже невозможно. А тут еще и время... что-то такое случилось и со временем. Вероятно, тот огромный черный тип в пальто и шляпе сотворил что-то с часами: сломал стрелки – и испортился механизм.

Огромный маятник часов, расположенных на самой вершине небесного свода, раскачивался все быстрее, быстрее, распиливал, раскалывал, крошил время, а часы тикали – она вдруг отчетливо услышала это – неравномерно, со странны-

ми, как при аритмии, перебоями и неправдоподобно громко откуда-то с высоты времени. Но скоро это назойливое тиканье прекратилось, часы остановились, а время запетляло... Оно потекло вбок. Назад. Вперед. В каком-то неведомом направлении. Потом время совсем остановилось или, может быть, наоборот, полетело стремительно... Она не понимала, но со временем точно что-то случилось...

Они ничего не слышали вокруг себя – звуки мира погасли. Остался стук сердца – ее ли? о! его ли? его ли? о! ее ли? А еще его шепот, отчаянный, прерывистый, горячечный – неистовый: «Люблю тебя, люблю, давно, очень давно, понимаешь? Ну, обними же... полюби меня, я тебя умоляю!»

Что-то случилось...

Она не столько поняла, сколько почувствовала: что-то рождалось в этот майский вечер.

Как по волшебству, задрожали вдруг и рухнули стены недоверия, неосознанных страхов, необдуманных обещаний, чужих запретов, непонимания. Неодобрения... Неприятия...

Они горели. Оба, вместе. Огненный ветер сбивал с ног. Заполыхали неистовым отчаянным пожаром. Горячо... жарко... больно... Нет, не больно... Это что-то другое... Что-то невыносимо острое, счастливое... Но разве можно это выдержать?

«Не бойся меня... Я же чувствую... ты вся дрожишь... Ты боишься? Не надо, не бойся... Ну, не могу я сделать те-

бе больно, я же ведь люблю тебя, Цветочек мой... Ты мне веришь?»

Потрескавшиеся, распухшие от поцелуев губы. Горящие от волнения щеки. Дрожащие сплетенные руки... Горячие руки – его, ледяные – ее. Замутненные страстью глаза.

И звенели души, как струны, и тянулись друг к другу, летели и пылали, и пробегала электрическая искра, и вибрировало, и пело тело.

*В дивный сад —
Там родилась Земля,
Вдруг попала я,
А теперь и мы —
Ты и я... —*

Звучала – где? – в ней? Вне ее? Какая-то нелепая частушка – она никогда прежде такой не слышала! Какая-то фривольная, легкомысленная мелодия, дикие слова...

Привычный мир исчез.

Она больше не думала, вправе ли она так поступать.

Оказывается, любовь – болезнь, и к тому же заразная.

Она потеряла себя. Или нашла?

На два года. Или – на всю жизнь?

Без времени. Девочка...

В раннем детстве девочка не любила, когда приходившие к родителям гости обсуждали, на кого она больше похожа. А потом с тем же вопросом приставали к ней.

– Майечка, деточка, а ты на кого хочешь быть больше похожей, на маму или на папу? – сюсюкала очередная тетья.

Чаще всего девочка молчала, насупившись, и исподлобья глядела на тетю. Но иногда говорила четко и твердо:

– На саму себя.

Тогда вопрос задавали немного иначе.

– Хорошо. А кого ты больше любишь, маму или папу?

Девочка упрямо молчала. Глядела в сторону или отворачивалась. Может быть, потому, что инстинктивно чувствовала глупость или фальшь, или бестактность взрослых. И недопустимость чужого вторжения в ее пусть маленький, но свой, особенный внутренний мир. Так нельзя! И потом, как же взрослым непонятно: всегда хочешь быть похожей на того, кого любишь! И выбирать тут нечего – она обоих очень-очень любит.

* * *

...Раннее, может быть, первое воспоминание ее детства.

...Тепло и мокро... Только что прошел сильный-пресиль-

ный дождь. А папа сказал... Вот, как же он сказал? А, так: *отгремела июньская гроза...* Лужи везде. Вокруг отовсюду с деревьев падают огромные капли и иногда попадают даже ей на голову. Это, может быть, деревья так отряхиваются? Не нравится им быть мокрыми!

Наверное, вечер... Девочка крепко держится за папину руку и трещит без умолку, не закрывая рта, и они вместе дружно шагают по лесной просеке. Солнышко веселится, оно радуется, шутит, смеется. И лес умылся дождем, вот какой он чистый-пречистый.

А папа сказал:

– Послушай, Майк, как лес *звонит*.

Звонит – как смешно! А в лесу огромные деревья, высокие! И стволы толстые, теплые, коричневые, с пятнышками, как глаза у главной маминой подруги тети Али. А наверху у деревьев вместо волос густые шапки, и они ими достают до самого неба и даже еще выше, и толкаются, и им, этим шапкам, очень там тепло.

– А давай, Майк, просто послушаем с тобой, как птички поют в лесу, а то они скоро спать лягут. Постой немного и оглянись вокруг. Вот так... Слышишь молчание леса? Давай услышим лесную тишину, давай посмотрим, какая красота вокруг... А теперь – ты слышишь: и лес тоже поет... – негромко говорит папа. – Вот посмотри, как красиво: *это закат, это красивый летний закат*.

Девочка останавливается и озирается по сторонам, задид-

рает голову, смотрит на верхушки высоченных деревьев, в высокое-высокое небо.

– Это солнышко спать уходит, и в лесу от него выросли *косые золотые столбики*, видишь? На закате всегда появляются эти красивые косые лучи заката – солнышко строит золотые столбики, – показывает папа.

Да, и правда так! Девочка никогда раньше не знала, что в лесу живут рыжие столбики.

Ну, а теперь, значит, солнышко устало и идет спать. Куда? На землю, в лес. И сам лес, и тропинка в лесу, и все вокруг становится теплым, ласковым, как... как ее кровать вечером, но только яркого-преяркомого – золотого, оранжевого цвета. А запах в лесу такой... Какой? Она не знает, не хватает слов... Да, вот – острый-преострый и немножко колючий, и прямо в нос забирается и сильно там колется. Ой, как щекотно!

– Это запах свежести, Майк. Знаешь, такой бывает в лесу летом после сильной грозы.

Папа объясняет, и голос у него такой серьезный, взрослый, и говорит он с ней, как с большой.

– А когда гром гремит, это страшно, пап? – спрашивает девочка, и звонкий детский голос нарушает торжественную лесную тишину.

– Да нет, что ты, это совсем не страшно. Наоборот, смотри, как весело: запах этот острый у тебя в носу поселился, а солнышко в твоих золотых волосах заблудилось – давай его

искать!

Вот какой папа веселый, все время шутит! А еще он такой большущий, высокий-высокий, а сам добрый, как мамина шуба из морского котика, и голос у него хороший, мягкий, как рукав маминой шубы. Большой-большой, а сам-то держится за ее руку и старается идти с ней в ногу.

И правда, разве может быть страшно, когда идешь за руку с папой? Страшно, когда одна, когда темно...

– И солнце спать уходит, и Мишутка уже спать лег, мы его сегодня искать уже не пойдем.

– А утром уже пойдем, ладно, пап? Вот встанем рано-рано и пойдем.

– Ну, конечно, пойдем. Обязательно!

Папа говорит совершенно серьезно, но она чувствует – он улыбается. Она слышит – его голос улыбается, и она видит – он прячет улыбку. Вот же, он улыбается, а глаза у него хитрые-прехитрые! Глаза смеются, но он изо всех сил сдерживает улыбку.

– Конечно, дочь!

– Пап, а знаешь еще что? Вот если вдруг Мишутка заболит – он же может простудиться, – а я тогда прибегу и сразу его вылечу.

Папа уже не улыбается, он смеется. И лес им подмигивает и улыбается, и смеется вместе с ними...

Девочка долго еще верила рассказам отца, будто в лесу живет маленький медведик Мишутка – можно найти его до-

мик и прийти к нему в гости, когда захочешь.

...Еще много лет спустя она вспоминала иногда тот сосновый бор, и прогулку по лесу вдвоем с отцом на закате после сильной грозы, и его мягкий голос... Это видение было таким живым, таким ярким – золотисто-оранжевый с зелеными пятнышками и сверкающими рыжими искорками лес.

Никогда больше она не видела в лесу такого буйства красок, запахов, свежести – нет, никогда в жизни...

* * *

А вот они в Кишиневе – мама, папа и она. Лето. Яркий солнечный день. Жарко. Они гуляют, долго идут пешком, а папа и мама все разговаривают о каких-то своих взрослых делах, и разговору этому нет конца, и это совсем неинтересно... Вот уже и больших домов вовсе нет, и улица как в деревне, а впереди полуразрушенная церковь, и одна стена почти совсем развалилась, вон – камни вокруг валяются... Со всем ничего вокруг нет интересного, и девочке уже немножко скучно.

Вдруг мама, такая строгая, взрослая, сделалась непонятно каким образом совсем-совсем как маленькая девочка, разве-селилась, расшалилась, в глазах заискрились ярко-синие *по-лыхалинки*, зажглись, засмеялись синие-синие зайчики, запрыгали от радости – вот сейчас выскочат! – и стала дразнить папу и дочку. Вот какая всегда проказница!

– А Жора – жук, а Оля – полька, а Майка – угадай-ка!

Мама улыбается хитро, шутливо грозит пальцем, а глаза смеются, и сама веселая, хихикает – задирается! Ух, как расшалилась!

– Нет, мамочка, Олечка – полечка, а Майка – отгадай-ка!

– Но ведь это одно и то же. Какая разница: угадай-ка, отгадай-ка? – удивляется мама.

– А вот и нет, мамочка, это совсем большая разница.

* * *

По вечерам мама читала дочке стихи и небольшие поэмы наизусть: она их помнила множество.

Девочка очень любила все стихи, которые читала мама, все... кроме одного.

– *Ночь идет на мягких...* – начала в тот вечер мама рассказывать стихотворение Веры Инбер.

– Нет, мамочка, нет, дальше не надо! – от ужаса девочки губы скривились, задрожали, она крепко вцепилась в мамину руку и чуть не заплакала. Ведь она знала, помнила: дальше там побегут строчки о том, что мамино сердце устало... и что оно больше не может...

Нет! Нет!! Нет!!! Ведь это значит, что мама может когда-нибудь не... быть?!

Зимний вечер. За окном падает густой снег.

Кажется, уже очень-очень поздно. Но ни мамы, ни папы еще нет дома.

Девочка сидит в большой квадратной комнате с высоким потолком. На ней красивое синее платье и нарядный свежевыглаженный – бабушка сегодня днем гладила – светлый фартучек с карманчиком, а в волосах – голубой бант. Комната вся залита золотисто-оранжевым светом. Как уютно!

Перед окном стоит огромный письменный стол, и на нем аккуратно разложены книги и бумаги: это утром мама писала свою книгу – она работала. А посреди комнаты – большой круглый стол, на котором стоит красивая ваза с яркими цветами.

Девочка в комнате совсем одна. Наверное, бабушка сейчас готовит ужин в кухне или, может, заглянула в комнату к соседке Марье Тимофеевне – немножко поболтать.

Девочка удобно устраивается в своем уголке, за столиком, на маленьком стульчике, а рядом – этажерка. На этажерке стоят ее детские книжки, лежат тетрадки для письма, разные альбомы для рисования, несколько коробок цветных карандашей. Она раскрывает свою любимую книжку про Ясочку, внимательно рассматривает цветные картинки, уже знакомые до мельчайших подробностей, с удовольствием нахо-

дит на раскрытой странице знакомые буквы, после чего берет красный карандаш, пытается написать эти буквы в альбоме и, наконец, старательно складывает буквы в слова – потому что читать она только еще начинает учиться. А затем принимается читать вслух, вернее, декламировать наизусть – сама себе, а еще – сидящей рядом с ней кукле Виарике, громко, с выражением, совершенно как большая! – любимые стихи из «Ясочкиной книжки»¹⁷, сто раз читанные-перечитанные ей мамой или папой.

*За окном сегодня ветер, ветер,
Даже в доме слышно, как гудит!*

Вот как она уже хорошо умеет читать *сама* — складно, с выражением, совсем как взрослая! И вовсе она не соскучилась в комнате одна, *со-вер-шенно!* Так же, как и Ясочка. И в комнате тепло, и за окном ветер гудит – точно, как в книжке. А что она одна – так, наоборот, это так здорово, так интересно: ведь это значит, что она совсем уже большая!

А на маленьком столике с нетерпением ждет своей очереди другая любимая книжка. Девочка откладывает в сторону книжку про Ясю и ветер и громко читает название, написанное на обложке «Катруся уже большая». Девочка, нарисованная на первой странице, очень похожа на нее. Нача-

¹⁷ *Наталья Забила*. Ясочкина книжка (укр. Ясоччина книжка, 1934) – сборник рассказов в стихах о девочке Ясочке.

ло книжки про украинскую девочку Катрусю она помнит наизусть: там мама будит свою дочку зимним утром, поздравляет с днем рождения, говорит: «Теперь ты совсем большая – тебе уже исполнилось целых пять лет». А снег кружится, падает, и все белым-бело вокруг. Точно-точно так, как сейчас! Но вот ведь как интересно: девочке завтра тоже исполнится *целых пять лет!* Только она не знает, когда это случится – ночью или только завтра утром?

Надо обязательно спросить у мамы или у папы, как только они вернутся – сразу же, это очень важно! Кто-нибудь из них точно знает.

«Завтра утром я буду уже совсем большая, а может быть, даже *взрослая*. Как здорово! Я хочу поскорее стать совсем большой, расти быстро-быстро», – с радостной гордостью думает девочка, а потом, неожиданно для себя, повторяет вслух:

– Я хочу скорее-скорее стать совсем большой. Я буду *сама* читать себе книжки и сидеть дома одна, без мамы, без бабушки... Я буду *взрослая* – и сама буду все решать! Вот только интересно, что же мне подарят на день рождения? Скорее бы это узнать! Хорошо бы куклу-мальчика, такого же, как подарили девочке Катрусю из той книжки!

«Это было бы здорово», – думает девочка. Тогда она тоже назвала бы его Фомой и варила бы ему суп из картошки и морковки, и каждый день водила бы его на прогулку в ближайший сквер. Как все-таки хочется стать совсем большой!

Скорее бы уже наступило завтра!

Наше время. Я и Она...

Да. Конечно, это была *она*. Юная, радостная, улыбающаяся. Впрочем, нет, вовсе и не юная, если присмотреться. Просто высокая, стройная. Атак – нет, моих лет, пожалуй. И улыбка... Она улыбалась. Приветливо, наверное. Правда, на самом доньшке этой улыбки мелькнула тень, а в уголках ее глаз притаилось что-то непонятное – может быть, вызов? Или показалось?

– Привет! Какими судьбами? Давно мы не виделись! – наконец, опомнилась я. Молчание затянулось – надо же было сказать хоть что-то.

– Да уж. Здравствуй. Вот, вышла погулять, погода великолепная.

– Да, просто отличная погода. И я тоже здесь гуляю. Пришла вот на старые места. Помнишь, как мы здесь отдыхали вместе? В кино ходили, на танцы...

Я произносила первые попавшиеся слова и совершенно не узнавала свой голос – какой-то безжизненный, отстраненный – чужой.

Ну, да, конечно, надо как можно скорее возвести стеклянную преграду между нами. Ведь кто же ее знает, чего она от меня хочет...

– Да... Ну, это я поняла. Воспоминания... – пожав плечами, медленно произнесла она.

«Что это в ее тоне, ирония?»

– Ты хочешь сказать, я... ну, конечно, я все помню, – я первая ринулась в атаку.

– Кто бы сомневался! – В ее голосе звучала – нет, даже не ирония – горечь.

– Ну а как ты? Все в порядке? – Я тут же перевела стрелки.

– Нормально. У тебя?

– Да, спасибо. Хорошо. Я здесь отдыхала в Звенигородском пансионате с моими девочками, сегодня вот уезжаем, так что все уже – закончился наш отдых ...

– Сколько уже твоей дочке?

– А то ты не знаешь! – сорвалась я, не удержавшись.

Разговор явно не клеился. И вот ведь незадача, так сразу и не уйдешь. Хотя... почему бы и нет?

– А ты здесь что, тоже отдыхаешь? Здесь, на какой-то даче? Одна или с семьей?

– А то ты не знаешь! – передала она назад брошенный ей пас.

– Послушай... не стоит нам разговаривать в таком тоне... – после паузы, не сразу нашлась я. – В том, что тогда случилось, не моя... – тут я запнулась, но сразу же поправилась, – не только моя вина, и ты это прекрасно знаешь.

– Похоже, мы обе повзрослели с тех пор, – пристально глядя на меня, после долгого молчания произнесла она. – Повзрослели, изменились, да... Только вот поумнели ли?

Поумнели? М-да... Что-то верится с трудом. Не факт, что

человек с возрастом умнеет. Внешне меняется – это, увы, да. Сильно меняется. Иногда до неузнаваемости. А внутренне остается тем же. Или нет?

Можно поменять прическу, квартиру, мужа, семью – а характер? Где это я читала: характер человека – его приговор. Вот хотя бы она. Все эти годы я ее почти не вспоминала и знала о ней очень немного, хотя когда-то мы общались достаточно тесно. Ну да, только слышала что-то о том, что она вышла замуж – неудачно. Быстро развелась – ну, еще бы! С ее-то упрямым, необщительным, непримиримым характером. Что вроде бы у нее был ребенок – не помню точно, кто... Девочка, кажется. Но это все я плохо помню: в этот период мы уже не встречались. Да и не очень-то я интересовалась ее судьбой, по правде говоря... Однако ее дочка, должно быть, совсем взрослая, у нее уже, вероятно, своя семья, дети...

Все так, все правильно. Только непонятно – зачем она сюда пришла сегодня? Ведь я вовсе не мечтала снова ее увидеть после стольких лет.

Время шумно задышало, убегая прочь, но поскользнулось и еле удержалось на ногах. Затем, расплескивая себя по дороге и обдавая нас брызгами, оно заскользило дальше – в неизвестном направлении. Да уж... Что-то начинаю я привыкать к таким погружениям.

Мы с ней соскользнули в далекое прошлое. Оно и понятно, ведь мы хранители времени.

Оказавшись перед запертой дверью в конце коридора времени, я, опережая ее, быстро достала из сумочки большой ключ, уже привычно вставила его в замочную скважину – ключ медленно, со скрежетом повернулся, дверь приоткрылась со скрипом...

Много лет назад. Она...

...Ключ медленно, со скрежетом повернулся, дверь приоткрылась со скрипом...

– Понимаешь, дочь, это не любовь. Нет. По-моему, это у тебя болезнь, – втолковывал отец, пытаясь ее вразумить, как только видел, что она его *слышит*. – В этом ты меня не убедишь. Это какое-то наваждение или сумасшествие – я уж не знаю что. Мне это ясно уже сейчас, а ты потом и сама это поймешь.

Все понятно: отец наклеил на Олежку этикетку: «Яд!» А мама – даже подумать страшно! Мрачное глухое молчание мамы выражало ее неприятие этой истории. Стена недоверия между ними вырастала до небес.

«Наваждение? Воронка? – размышляла она в те крайне редкие моменты жизни, когда к ней возвращалась способность думать о том, что происходит. – Но что же это такое, эта Воронка? Наверное, иррациональное нечто, Зазеркалье... Или какая-то новая реальность – волшебная Страна по ту сторону действительности. Как та, в которой очутилась Алиса, провалившись вслед за обладателем больших наручных часов, говорящим Кроликом, в глубокий колодец и попав в страну Чудес. Или та розовая мечта о вечной любви, которой жила Ассоль – девушка ждала своего принца столько лет! И вот, наконец, спустя годы, верный данному

слову ее долгожданный возлюбленный герой, ее *принц* Грэй приплыл за ней на корабле с гордо реявшими по ветру алыми парусами, надел ей на палец кольцо... А может быть, это верность своей Любви – вера и надежда Кати Татариновой, не сомневавшейся, что ее Саня жив и да спасет его любовь ее, невзирая ни на какие расстояния, и поможет пре-возмочь опасности, раны, даже смерть. Или, может быть, это ожидание и упорство Флер Форсайт: она столько лет лелеяла мечту о возвращении Джона, служила ей, не предала своей любви. Или это любовь, страсть, нежность, дружба – все вместе! – воспламенившие Робби Локампа броситься в ночи на помощь его тяжелобольной возлюбленной Пат Хольман и всего за несколько часов преодолеть на машине разделявшее их огромное расстояние в пароксизме овладевшей им веры и надежды спасти ее, победить болезнь и смерть любовью, несмотря ни на что... Страсть, сжигавшая Анну Каренину, презревшую условности, мнение света, очертя голову устремившуюся в омут своего чувства к Вронскому и готовую на любые жертвы, даже на разлуку с сыном, ради своей страстной любви... А Маргарита, которая обрела своего Мастера лишь после того, как от горя и страданий стала Ведьмой вечером в пятницу и ушла с ним в Тот мир, где царит вечный Покой, потому что была верна своей настоящей, вечной любви...»

Этот ряд она могла продолжать бесконечно. И все это, независимо от картинки и окружения героини, было *ее* глав-

ной реальностью, не созданной, не выдуманной – *настоящей*. Однако имеет ли смысл объяснять это кому бы то ни было? Ведь не поймут.

Так что же, значит, любовь – это омут, наваждение, болезнь? Ну и пусть болезнь! Но чем бы *это* ни было, а избавиться от этого она не сможет, да и не захочет. Только отцу так говорить нельзя: его это огорчит. А сейчас просто необходимо срочно придумать что-нибудь очень убедительное, чтобы выйти из дома хотя бы часа на два. Олежка, наверно, ждет. Он уже привык ее ждать чуть ли не часами. Олежек, Олеченька... Стоит уже, наверно, там, на перекрестке у метро...

Отец говорил терпеливо, проникновенно. Он использовал каждый удобный случай, чтобы ее убедить.

– Ну, вот ты сама подумай: как можно хоть в чем-то положиться на человека, который не выполняет своих обещаний, не держит слова?.. Хорошо. Скажи, сколько раз он тебе обещал, что не будет появляться в таком состоянии?! Молчишь? А мне он что обещал во время последнего разговора? Говорил, что любит тебя, обещал, что не будет... мм-м... злоупотреблять... А! да что я? Не будет напиваться, возьмется за ум, окончит вечернюю школу. Вот тогда у тебя с ним, может быть, и могло бы еще быть какое-то будущее! Но теперь... нет! Ведь он палец о палец не ударил для этого... Ну, что ты опять молчишь? Ты что, не согласна с этим? Если не согласна, тогда так и скажи – нет, не согласна!

В голосе отца звучала досада. Он покачал головой, вздохнул, скептически скривив губы, посмотрел на нее, немного помолчал... Но молчала и она, смотрела куда-то в сторону.

После долгой паузы отец продолжал:

– Разве можно ему верить! Вот ты мне лучше объясни, почему он опять звонил вчера так поздно вечером? Что, опять пребывал в нетрезвом состоянии? Как прикажешь понимать это хамство? А ты это хамство поощряешь своим поведением! Ну что ты все время молчишь?.. Насколько я понимаю, тебе просто нечего ответить. Ты же разумный взрослый человек. А вы оба плывете по течению – куда кривая выведет! – Отец смотрел на нее сердито, с укором. А глаза не сердитые, нет. И смотрел-то он вовсе не сердито, а печально и встревоженно, и ждал ответа. – Ну, сама посуди, разве это любовь? Если он действительно любит, он должен тебя уважать и не являться в таком виде. На мой взгляд, он просто слабый, безвольный человек... Где у него голова? Нет! Один порыв, импульс! Он неуправляем... Он живет минутой, инстинктами, страстями. Им руководит чувство, а не разум. Ну и куда могут его завести страсти и импульс?! А тебя... тебя он и в грош не ставит! Да он и представления-то не имеет о том, что такое достоинство! Ты пойми: если человек не уважает других, то он, прежде всего, не уважает самого себя... Ладно! Какой смысл сотрясать воздух? Это разговор в пользу бедных! Все равно как об стенку горох. Ты же мимо ушей пропускаешь все, что я тебе говорю!

– Отец, мне надо пойти дописать там... еще один кусочек... – после затянувшейся паузы, глядя на него исподлобья, тихо сказала она.

Отец безнадежно махнул рукой, скептически и вместе с тем обеспокоенно посмотрел на нее и пошел в свой кабинет. Работать.

Неправда! Но она не обижалась на отца. Да, отрешенность от внешнего мира уже стала ее привычным состоянием. Но, временно выпадая из *летаргии*, она понимала: отец то пытается воздействовать на ее разум, логику, то хочет достучаться до ее чувств. Ну, и что тут скажешь? Часто во время таких разговоров ей становилось очень жалко отца: если бы только он знал, насколько это бесполезно... В такие минуты ее охватывало чувство вины, и становилось очень стыдно. Но иногда она с раздражением думала: «Подумаешь, лектор! Вот пусть в университете свои лекции и читает! А здесь... Что же он все время мораль-то читает! Ну, какой смысл в этих его нотациях? Великий логик!»

Всем своим существом она ощущала: что-что, только не логика. Разум? Логика? Здравый смысл? Но они здесь совсем не при чем. Все равно она ничего не может изменить. Такие разговоры с отцом случались в последнее время все чаще. Он говорил, говорил... делая отчаянные попытки убедить. Она отмалчивалась, отделяваясь короткими репликами, и оправдывалась, когда уже нельзя было молчать. Зато потом, в разговорах с родной подругой выговаривалась.

– Майк, слушай, ну, как у тебя дома-то? Что отец говорит, насчет вас, насчет Олежки?

– Ой... нет, знаешь, это просто невозможно – его слушать. И еще я боюсь, я даже уверена – он прав... Понимаешь, я ведь знаю, я сама чувствую, что неправа... что зря связалась с ним. И я, правда, уже просто не знаю тогда, что мне теперь делать!

– Ну, послушай, а, с другой стороны, что тебе надо сейчас-то делать? И чего ты так дергаешься-то, а? У тебя же с ним все вроде бы хорошо, так? Ну, так и подожди пока, ведь никто же тебя не заставляет тут же что-то решать! И потом... Ну, я не знаю... Ты что, сможешь разбежаться с Олежкой вот так, сразу?

– Нет, не смогу... И не хочу! Этого не будет!

– Ладно, так ты что, замуж за него прямо сейчас выйдешь? Да, слушай, кстати, а он тебе предлагал уже? Когда на свадьбу-то пригласишь? И потом, я ж у тебя свидетелем буду. Разве нет? Так должна же я знать заранее?

– Ага! Ты что, издеваешься, да? А родители? Они же вообще насмерть встанут! Мне что, одной против всех идти? Да, но знаешь, вот отец... он ведь все правильно говорит. И главное, вот когда он все это говорит, я все понимаю – умом, а потом как увижу *его*... Олежку – и все... Ты не поверишь,

но – ну ничего я не могу с этим поделать. Понимаешь, жутко стыдно, вот и молчу, как дура: ведь просто нечего отцу возразить... Я, честно, не знаю, что мне теперь делать, просто руки опускаются, но я ничего не могу изменить! Прямо раздвоение личности какое-то! Знаешь, так страшно бывает иногда.

Маятник часов стал раскачиваться все быстрее, быстрее...

Много лет назад. Она...

... Часы стали тикать громко и с перебоем.

«Что бы такое придумать», – лихорадочно соображала она. Просто обязательно надо сегодня вечером выйти. Она и так уже сегодня с самого утра считает часы, даже минуты до встречи с Олежкой. Но как же медленно тащится время – словно путник в гору с тяжелым мешком за плечами! Вот осталось шесть часов, пять... три... два с половиной, два часа восемь минут, два часа – ура! И так каждый день – нет, больше не выдержать!

И, главное, вчера встретиться не удалось: он работал в вечернюю смену. А позавчера она не смогла уйти с комсомольского собрания, которое, как назло, затянулось до позднего вечера, собрания скучного, как всегда – нет, еще скучнее, чем всегда! Сначала слушали длинный отчетный доклад за год комсорга с говорящей фамилией Заседателей. Потом долго, занудно обсуждали итоги *картофельной* эпопеи их второго курса в сентябре-октябре в Подмосковье, под Серпуховом. Поощрили передовиков, перевыполнивших план по сбору урожая на бескрайних картофельно-свекольно-морковных полях необъятной нашей Родины. Вынесли *строга-чи* нескольким студентам с занесением в личные дела за то, что закапывали в землю картошку и свеклу, чтобы первыми закончить бесконечную, до самого горизонта, грядку, а

в отношении двоих ребят поставили на голосование вопрос об отчислении из университета. Она проголосовала против отчисления, но осталась в меньшинстве – как всегда. Затем долго-долго утрясали список студентов, которые должны были на будущей неделе отправиться на овощную базу на Мосфильмовской улице – почти дверь в дверь с известной киностудией – перебирать, бестолково перекладывая с места на место, гнилые, склизкие овощи и превратившиеся в размокшую прокисшую кашу фрукты. И все это под недреманным оком толстой наглой служительницы базы, в ватнике, с унылым лицом и пронзительно хамскими интонациями в голосе. Ясное дело, никто особенно на овощную базу не рвался: дело-то совершенно гиблое, овощи все равно почти все сгниют, да к тому же там каждый студент получит сполна обязательную порцию хамства от работников этого учреждения. И вечная мерзлота там, как на Северном и Южном полюсах, вместе взятых! Потом еще сто лет обсуждали мероприятия, проведенные комсомольским активом в юбилейный год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина... И еще целую вечность решали, как именно комсомольцы курса должны проявить себя в мероприятиях по случаю неотвратимо надвигающегося 100-летия Парижской Коммуны, и избирали активную группу для участия в выставке по поводу этой славной даты. В общем, комсомольские активисты усердно возводили фасады хижин и дворцов в потемкинских деревнях советской реальности. Ну, а под самый занавес еще долго-долго

выбирали комсоргов курса, групп, представителей в комитет комсомола университета. В общем, обычная история, привычная повестка дня... Тоска без конца и без края. Правда, рядом сидела ее *любимая* подруга, с которой они учились в одной группе, ее тетка, тоже Майя. Но когда они пришли на собрание, свободные места в аудитории оставались только в первых двух рядах, а здесь не очень-то поболтаешь – комсорг живо замечание сделает! И все эти долгие часы никого из аудитории не выпускали без уважительной причины, пока собрание не закончилось. Ей казалось, это вообще никогда не закончится. И пребывание в коллективе тоже не слишком увлекало: она не умела дружить со всем *родным* коллективом. Друзей ведь может быть очень немного – один, два, не больше.

Все эти часы, минуты, секунды, устремившиеся в бесконечность без нее, она томила на собрании, а Олежка ждал у входа в университет. Впрочем, он готов был ее ждать где угодно и сколько угодно.

В тот вечер они смогли побыть вместе только по дороге домой, а еще немного постояли в подъезде. Но разве это много – полчаса, сорок минут вместе, не больше!

В своей комнате она только начала переодеваться, как услышала телефонный звонок. Три минуты ожидания показались бесконечностью: страх, досада, надежда, радость, тревога, напряжение – все это сплелось и завязалось в один запутанный болезненный узел... Ой! Она точно знала, что это

он. Ну, зачем он так?.. Ведь отец запретил ему сюда звонить!

*Одинокий отвергнутый Змей,
Сбросив кожу, ползет по земле.
Впереди у него – Ужин тот,
Час всего – он, конечно, придет!*

Отец вошел в ее комнату, скептически посмотрел на нее, тяжело, обреченно вздохнул, скривил губы в горестной, но, как ей показалось, и сочувствующей усмешке, позвал:

– Ну, беги уж... Там, видно, жить не могут без тебя!

Ну, а если и так?

– Отец, ты пойми, он не хотел... Просто мы плохо договорились, вот ему и пришлось позвонить, он задержался, он не дома... И это вовсе не хамство с его стороны!

Господи, только бы все было... как ей хочется! В порядке – это не то слово. Только бы он не... только бы был в нормальном состоянии! Со всем остальным она справится, как бы ни было трудно. Она же сильная, она сможет защитить их любовь!

Ну, слава Богу! Пронесло на этот раз. Теперь у нее есть еще около двух часов, чтобы что-нибудь придумать насчет выхода из дома.

Два часа спустя, сказав отцу, что хочет еще сегодня забежать на часок к Аленке – вряд ли он этому поверил! – она выскочила из дома. Подруга была в курсе всех ее дел: они знали друг о друге все, до мельчайших подробностей – и уже

не в первый раз она прикрывала ее от родителей.

Подруга жила в соседнем доме, но дорога хорошо просматривалась из окна, поэтому она попросила Олежку подождать у Аленкиного подъезда. Отлично, они зайдут к Аленке, и она будет там, если родителям вдруг вздумается ее искать.

Снег неприятно скрипел под ногами, словно она наступала на мелкие осколки разбитого стекла. Свинцовое небо нахмурилось, сурово сдвинуло, как брови, темно-серые, почти черные тучи. А изломанный, какой-то искалеченный ветер остервенело швырял прямо в лицо колючий, ледяной снежный песок – целыми пригоршнями. Он колот щеки, попадал в глаза... А на небе ни луны, ни самой маленькой звездочки. Еще бы! Как он ожесточился, ветер: гонял по темному небу мрачные тучи, злобствовал, хрипло, надрывно, словно в тяжелом бронхите, кашлял, сипел, свистел, плевался. Ветер просто рвал и метал, заходясь от ярости! Холод пронизывающий. Как разбушевалась природа! А ведь она даже не заметила, как явилась зима!

Олежка уже ждал ее у подругиного дома, стоял, заслоняясь от ветра, сложил ладони домиком, прикуривая на ветру сигарету. Ну почему голова всегда так кружится, а дыхание перехватывает от счастья? Счастье! Вот же как ей повезло! Но что же это такое? Вот что в нем такого, а? Что можно было в нем найти? Ведь он совсем обыкновенный, ничем не примечательный... Встретишь на улице – и не заметишь. На-

верное, такой, как многие... Нет. Не такой. Не похожий ни на кого.

Увидев ее, Олежка рванулся к ней, крепко прижал к себе. Она уткнулась ему в куртку, жадно вдыхала его запах. Как хорошо, что так темно. Объятие было долгим, поцелуй – бесконечным. Оказывается, мелодия бывает не только у песни, у поцелуя – тоже... Один только ветер видел, как Олежка целовал ее, но ему-то это безразлично, ветру, он подглядывать за ними не станет, он своими делами озабочен – вон как озверел!

– Майечка, лапа... Я так соскучился! Мы не виделись уже целую вечность! – продолжая крепко сжимать ее в объятиях, выдохнул он.

– Позавчера...

– Вот, я же про это и говорю. Так долго! Не могу без тебя так долго! Ну ладно, все, молчу, молчу. Куда пойдём?

– У меня очень мало времени. Давай зайдём к Алёнке, больше все равно никуда не успеём.

Дверь открыла Надежда Александровна, тетя Надя, как она с детства привыкла называть Алёнкину маму.

– А, вот это кто! Алё-енк, иди давай сюда! Кто к нам пожаловал, смотри-ка! *Эти двое* к нам пришли! – весело позвала дочь Надежда Александровна.

– Ща-ас, мам, вилки только домою! – закричала подруга из кухни. – Приве-ет! – а это уже им.

Тетя Надя приветливо поздоровалась, улыбнулась, впу-

стила их, только хитро, хотя и незаметно для него, подмигнула ей.

– Ну, давайте, давайте, проходите скорее, чего встали в двери, как засватанные? Дует же, холодно-то как! И вы вон уже синие от холода, замерзли как! Так что проходите и раздевайтесь скорее.

Вот здорово! Удержалась на этот раз от ехидных замечаний и иронических реплик, а могла бы, с ней это часто бывает – она вообще женщина с юмором. Аленка недавно пересказала ей один разговор с матерью. Как это тогда назвала их тетя Надя? Ах, да! Она сказала, что они точно как Аленкино *неразлучное собачье семейство* — Лялька с Чапом, которые не расстаются друг с другом никогда. Вот и сейчас собачки выскочили в прихожую следом за Аленкиной мамой. Японские болонки, обе, как по команде, поднялись на задние лапы, приветливо и почти синхронно замахали закрученными петлей наверх хвостиками-бубликами. Не то залаяли, не то запищали, а скорее всего, даже в унисон запели в знак приветствия, с радостью узнавая их, попытались даже подскокить, чтобы лизнуть в лицо, в нос – все равно, куда уж придется, в знак любви и признательности. Лялька и Чап, муж и жена, но похожие друг на друга, как брат и сестра, хорошо знали ее и каждый раз заходились от радости при виде знакомого человека. Впрочем, незнакомого тоже – они всегда были приветливы и очень жизнерадостны.

В квартире было тепло, особенно с мороза, из кухни рас-

пространялись вкусные запахи. В комнате работал телевизор. Они вошли как раз, когда прозвучали позывные сигналы – начиналась программа «Время».

«Добрый вечер! Здравствуйте, товарищи! – вложив в свои слова максимум жизнеутверждающего оптимизма, торжественными, хорошо поставленными голосами поздоровались с вечерней советской страной Игорь Кириллов и Анна Шатилова. – Сегодня Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев принял в Кремле...»

«Интересно, программа может когда-нибудь начаться другими словами?» – подумала она не без ехидства.

– Ужинать с нами будете? Тогда пойдемте скорее! – пригласила Аленкина мама. – Мойте руки. Где полотенца, ты, Майк, в курсе. И приходите, а то сразу после ужина мы хотим чемпионат по фигурному катанию посмотреть, Пахомову и Горшкова. Или, может, Ирина Роднина с Улановым выступать сегодня будут? Первое место, наверно, займут. Он как раз сегодня начинается, чемпионат мира. Так что идите, присоединяйтесь к нам, – тактично добавила Надежда Александровна.

– Мам, послушай, пожалуйста, оставь их в покое, им надо поговорить! – закричала Аленка из кухни.

Теряя тапочки и вытирая на ходу мокрые руки кухонным полотенцем, подруга вылетела в прихожую, поздоровалась:

– Приветик, Майк! – и чмокнула ее в покрасневшие на

ветру щеки. – Приветик, Олежка! Что-то тебя давно не было видно! Что, старых друзей уже забываем, да?

Потом окинула их хитрющим оценивающим взглядом, при этом незаметно подмигнула ей, скорчила в зеркало, но так, чтобы он не видел, понимающую гримасу:

– Ладно, ребята, тогда идите пока в мою комнату!

– Аленк, ну ладно тебе, хватит ехидничать, – не выдержав отраженных в зеркале прихожей гримас подруги, хихикнула она, слегка отстав.

– Слушай, но ты же ведь не выйдешь за него замуж прямо сейчас? Этого не может быть! – сверкнули вдруг молнией слова подруги.

Припомнилось изумление Аленки, когда она узнала об их романе.

...Он смотрел темно-серыми глазами, так нежно, но и как-то строго, даже торжественно, взглядом затягивая ее в опасный омут. Обнимал ее бережно, словно боялся обидеть, спугнуть, произносил трогательные, пронзительные слова. Целовал ее деликатно и осторожно, словно боясь навредить ей, оскорбить... Где-то там, внутри – у нее? у него? – непонятно где – накопилось море нежности, ласки, любви. Догоняя друг друга, сталкиваясь, слова отзывались в ее душе хрупким, тонким, деликатным звучанием, словно хрустальные рюмочки, когда ими чокаются – и падали в самое сердце. Его слова *гладили* ее по сердцу.

Они растворились друг в друге. И доверили себя друг другу.

– Подожди... Не надо... Давай так... просто посидим... Ну, пожалуйста, подожди... не надо.

– Да... хорошо, не буду. Не бойся.

Она гладила его по лицу, по волосам. А он зарывался лицом в ее волосы, сильно отросшие после стрижки, вдыхал их аромат.

Нежность. Тепло любимого человека. Тишина. Счастье. Оттого, что он, Олежик, так близко. Счастье узнавания... отражения... принятия.

Поздним вечером Олежка провожал ее домой. Кажется, на улице потеплело. Ветер больше не злился, он сменил гнев на милость, подобрел, смягчился. Зима, совсем еще юная, почти девочка, застелила землю белым бархатным ковром с коротким нежным ворсом и белоснежными, нисколько не покрасневшими на холоде, тонкими пальцами аккуратно поправила его, пригладив даже самую крошечную складку. Как жаль наступать на этот снежный ковер: натопчешь еще – грязные следы ведь останутся, ой, как неопрятно. А сверху, с высоты ночного свода небес, – на небе ни луны, ни звездочки – кто-то щедрой рукой быстро отрывал от ватно-снежного рулона много-много крошечных пушистых комочков, бросал их вниз – и они летели, кружились, словно пушистые парашютики, кораблики из ваты. Эти ватно-снежные хлопья сбивались в пары, танцевали, бесшумно кружились в танце,

в полутемном, освещаемом лишь их собственным, отраженным лучистым светом, небесном зале, исполняя безмолвный торжественный вальс-бостон, который медленно перетек в мелодию Зимы Антонио Вивальди, – а затем медленно падали и ложились на землю.

Полыхало зимним вечерним звоном высокое низкое декабрьское небо.

Кто это так щедро сыпал снег с этой головокружительной высоты?

Потом ветер стих совершенно, и пришла оглушительная тишина. Неясным размытым пятном выглянула из-за вьюжной хмари тусклая луна, окрасила мягкий бархатный ковер в матовый молочно-желтый, затем молочно-голубой *лунный* цвет, и снежные хлопья тоже стали голубыми. Декабрьская ночь озарилась нежным голубым светом. Все теперь отливало голубым: и снежный ковер на земле, и летящие снежинки, и небо, и волшебная, полная страсти музыка *Зимы из Времен года*.

О чем напоминало ей это молочно-голубое сияние? О чем-то очень счастливом, но далеком, давно ушедшем, забытом...

Тот огромный, в длинном, до пят, черном пальто и черной шляпе с широкими полями, неведомый некто расшалился: свернул лист бумаги в несколько раз, вырезал половинку фигурки, затем развернул – и получилась целая вереница одинаковых зимних ночей. Ночь разрасталась, как множество

раскрашенных в темно-синий цвет и вырезанных из бумаги куколок – одна за другой... Ночи-близнецы взяли за руки и устроили веселый зимний хоровод.

Пришла к ним звонкая пушистая голубая зима. Зима... *Времена года*... Музыка Вивальди... Немного кружилась голова. От пахнущей слегка арбузом, чуть-чуть дыней, а больше всего, хрустким твердым антоновским яблоком, брызжущим соком холодной зимней свежести. От льющейся откуда-то – непонятно откуда, может быть, с небес? – торжественной музыки. От юности, радости. От счастья. Их переполняла, кипела, переливалась через края душераздирающая жажда жизни.

А из небесной выси тот неведомый некто щедро поливал их с Олежкой счастьем. На них потекли ручьи, нет, целые реки счастья. На них проливалась, обрушивалась сама жизнь. Жизнь – живая, звенящая, кипящая, переливающаяся через края – сама жизнь жила, пела, бурлила, разливалась без края в ней, в нем, в них, вокруг них. Они влюблялись друг в друга снова и снова. Каждую минуту.

Звенела тихая призрачная ночь. Звенело счастье.

* * *

А впереди расстилалась дорога, и путь лежал совсем не близкий. И бежали перед ними километры – тысячи и тысячи километров, отмеченных несущимися навстречу дорож-

НЫМИ СТОЛБАМИ.

Без времени. Девочка...

В детстве девочка больше всего боялась неодобрения. Осуждения. Мама и папа проявляли его по-разному. Но одинаково страшно.

Мама выходила из себя, становилась, как грозовая туча, сверкала молнией, гремела, кипела, шлепала дочку Папа не выходил из себя и не был похож на тучу, и не гремел, не кричал.

Но он суровел, строго сдвигал брови, осуждающе качал головой, шумно вздыхал, сопел носом, складывал губы в скептической или осуждающей усмешке: *«И это моя дочь так ведет себя?»* А потом повисало молчание. С ней не разговаривали, на нее не обращали внимания. Демонстративно, чтобы она поняла. Осознала.

И тогда появлялся Страх. Не постучавшись, со всего размаху распахивал дверь, врвался в комнату непрошеным гостем.

Страх всегда являлся, когда повисало молчание. Из-за этого молчания. Из-за одиночества. Потому что не доверяли, не понимали. Потому что ее не слышали, не принимали – то есть отвергали.

Девочка сидела в своем уголке у этажерки тихо-тихо и упрямо молчала, опустив голову. Никто не знал, о чем она думает – она никогда не говорила. Если к ней все же об-

ращались, смотрела исподлобья. Даже когда ее уже прощали. Улыбались ей. Было трудно говорить, трудно объяснить, невозможно попросить прощения.

«Впечатлительная девочка. Но скрытная. Вся в себе», – думала мама.

Нет, не думала. Чувствовала. Но мама была слишком молода, красива, полна энергии, чем-то увлечена, занята, погружена в работу, в свои дела, в повседневные заботы, чтобы это понять.

* * *

...И снова лето, и она с родителями отдыхает на юге, как жется, в Анапе. Поздний-поздний вечер. Нет, уже явилась, стала полновластной хозяйкой черная кавказская ночь. Было бы совсем темно, но высоко-высоко в южном небе высыпали звезды – тысячи, нет, миллионы звезд – полыхающих светлячков-фонариков, разгорелась яркой люстрой на небесном потолке полная луна. А где-то там, за деревьями, совсем рядом, как притаившийся диковинный сонный зверь, вздыхает, сопит и шумно дышит, и хлопает носом, и что-то устало шепчет море, тихо-тихо ворчит, ворочается, пытаюсь поудобнее устроиться в своей необъятной постели – никак не спится ему Они возвращаются из кино, и девочка идет домой очень гордая. Вот как! Какая она уже совсем *взрослая*, ходит так поздно вечером в кино!

И все-таки она очень устала, хочется спать. Она начинает зевать. Может, покапризничать?.. Наверное, мама замечает это и говорит папе:

– Все-таки не надо было нам так поздно в кино ходить, видишь, как она устала – маленькая еще!

Ах, так? Маленькая?! Да она уже взрослая! От такого оскорбления у девочки сжимается горло, перехватывает дыхание, слезы наворачиваются на глаза. За что ее так обидели? Она большая, ее надо... как же это? Слово вот теперь забыла!.. А, вот! Ее надо *у-ва-жать!*

Усилием воли девочка тут же берет себя в руки... Пусть все видят – она *со-вер-шен-но* не устала!

Луна щедро поливает землю молочно-белым светом с серебристым отливом из своего большого кувшина. Серебряная лунная дорожка скользит по земле, по траве, по тропинке. Мама и папа идут впереди. А девочка отстала шагов на двадцать. А может, и на тридцать. Конечно, лучше бы ей пойти вперед, но страшно, и еще так ведь и потеряться можно в этой южной темноте!

Однако как же ее оскорбили, назвав *маленькой!* При одной мысли о нанесенной ей обиде девочка еще больше хмурится, надувает губы, гордо поднимает голову, гордо и независимо смотрит прямо перед собой, – но все же внимательно следит, куда поворачивают родители.

А луна разгорается все сильнее. Как горят звезды на южном небе! Девочка идет по лунной дорожке, топчет лунный

свет, ноги утопают в серебристо-белом ковре, сотканном из лунного света.

Потом яркий этот свет поднимается до пояса, до плеч... Теперь он укутывает ее всю. Девочка дышит лунным светом, пьет его, захлебывается им, глотает...

Иногда родители оглядываются, замедляют шаг, о чем-то тихо говорят между собой, кажется, улыбаются... Ну, уж нет! Все это хорошо, только она ни за что не подойдет к ним первая – она так и вернется домой *одна!*

* * *

– Ну что, доченька, пойдем сегодня, сходим в твой детский сад, навестим Эмму Робертовну. Хочешь? – предложила в тот день мама. – Я как раз сегодня специально пораньше пришла из института, можно сходить после обеда, пока еще рано. Давай-ка скорее обедать. Вот сейчас я только разогрею, налажу все... Давай, иди мой руки, и поможешь мне накрыть на стол!

– Ой, давай, конечно! Пойдем! Вот здорово! – обрадовалась девочка.

Она тогда училась в первом классе, и только что началась вторая четверть. Мама улыбалась, шутила, и погода стояла хорошая, такая солнечная.

Правда, сегодня с девочкой случилась одна очень большая неприятность, но сейчас не хотелось об этом даже думать.

Может, как-нибудь обойдется?

И вообще, если рассказывать, то уж лучше потом, вечером, после возвращения от заведующей ее бывшим детским садом Эммы Робертовны. А сейчас жалко огорчать маму.

– Очень хорошо. Мы уже так давно собирались. Она, конечно, очень обрадуется – она тебя так любила! А то знаешь, она может обидеться, решит, что ты ее забыла или не хочешь к ней идти. Ты ей расскажешь о своей школе, о том, что ты изучаешь, о своих успехах. Ей будет очень приятно. Прогуляемся, купим по дороге цветочки. Погода сегодня просто замечательная. У тебя много уроков на завтра? Ну ладно, вернемся – и выучишь. Давай скорей обедать!

Вот здорово! Сегодня прямо праздник настоящий получается!

Как хорошо! И у мамы такое звонкое настроение, и на улице такая веселая погода, и они сейчас пойдут гулять вместе с мамой – от всего этого девочка даже позабыла о своей сегодняшней неудаче.

После обеда они быстро убрали посуду, стали собираться к Эмме Робертовне и были уже почти готовы, когда мама вдруг сказала:

– Доченька, а где твой дневник? Давай его сюда. Мы его возьмем с собой, и ты покажешь Эмме Робертовне ... Ну, давай же его, я к себе в сумку положу... – Но дочь молчала, и мама внимательно посмотрела на нее. – Так, где твой дневник? Ты, Майя, вот что, ты уж лучше сразу скажи, что

случилось. Ты что, его потеряла? Да что это с тобой? А ну посмотри на меня! Ты что молчишь?

Вот оно!

– Мам, знаешь что... я... я... сегодня получила плохую отметку... по арифметике...

Мама сразу нахмурилась, сурово сдвинула брови, сердито поджала губы... Звонкий день тоже нахмурился, скривил губы и ушел.

– Какую плохую отметку? А ну говори! И давай мне сюда дневник, наконец.

Девочка подала тетрадку, исподлобья посмотрела на маму синие-серыми глазами. Обычно все говорят: как у мамы. Потом молчала, опустив голову. Молчание быстро сгущалось.

Мама открыла дневник, увидела двойку, нахмурилась.

– Ну, все понятно. И как тебя угораздило? Ну, скажи! Анна Ивановна просто так, ни за что, не могла поставить тебе двойку – значит, ты не старалась, не выучила.

Мама присела, немного подумала, затем очень строго взглянула на дочку и жестко сказала:

– Все. Переодевайся, Майя. Никуда мы не пойдем сегодня. Нельзя идти с двойкой к Эмме Робертовне. Это очень стыдно! Что она подумает о тебе, когда ты двойки получаешь?! Давай садись, учи уроки, а то завтра опять... что-нибудь у тебя получится. И давай-ка, подумай о своем поведении!

Глаза у мамы стали острые – порезаться можно – и ой, ка-

кие колючие! В голосе зазвучали металлические нотки. Она ушла в кухню и долго не возвращалась. Да и что толку, что ушла. Теперь все равно будет молчать – осуждающе, укоризненно поджимать губы – и так весь вечер.

Девочка забилась в свой уголок у этажерки с книгами и горько, безутешно плакала. Это хорошо, что мама ушла в кухню! Никто не увидит, что слезы у нее текут и текут, даже вон на столик капают, и на платье, и остановиться ну просто никак невозможно... Она всхлипнула и громко шмыгнула носом. Ну почему так обидно? Что не пошли к Эмме Робертовне? Да нет, не то... Это не беда. Подумаешь! Можно и в другой раз сходить. Хотя у нее это первая двойка, раньше она всегда получала только четыре или пять. Ну, зачем мама говорит про какие-то двойки! Ой, только бы она сейчас не вошла! Так не хотелось, чтобы мама видела, как горько она плачет. Нельзя, чтобы мама узнала, какая она слабая.

Значит, она нескладная? Неумеха? *Разлапистая!* Значит, она не такая сильная, как мама? А по всей комнате разливалось, растекалось осуждение.

Незаметно подошел вечер, тихо вздохнул, негромко шмыгнул носом в знак сочувствия, скромно присел рядышком на ее маленький стульчик. Пришел с работы папа, хитро подмигнул ей, потом переоделся и, посмотрев на часы, включил радио. Оно заиграло негромко. А потом, как всегда в это время, зазвучали позывные любимой девочкиной передачи, и задорный голос запел песню:

Начинает свой полет веселый спутник.

Отложите на часок свои дела.

Шутников надежный друг, веселый спутник...

Мы надеемся, что вы из их числа¹⁸.

Обычно, едва заслышав эту песню, девочка радостно кричала: «И мы, и мы из числа *шутниковых!*» Но сегодня даже и любимая песня не могла ее порадовать.

* * *

– Деточка, ты, пожалуйста, гуляй только во дворе и не ходи в те бараки. Ты меня хорошо поняла? Там живут плохие дети, тебе с ними нельзя дружить.

Летом девочка часто бывала у бабушки и дедушки – маминых родителей. Вот и сейчас она жила у них и собиралась утром на прогулку.

– Ну почему-у, бабушка?

– Я тебе уже объясняла почему: они плохие, невоспитанные, тебе с ними незачем дружить! А ты лучше пойди, найди себе какую-нибудь хорошую девочку из приличной интеллигентной семьи и играй с ней.

– А тогда с кем мне гулять, с Машей, да, бабушка?

– Зачем с Машей? Не-ет... У нее мама такая мешанка!

¹⁸ Еженедельная юмористическая радиопередача в СССР в конце 1950-х годов.

А девочка не спорила. Она вообще никогда не спорила, особенно с бабушкой. Девочка понимала: бабушку не пере-споришь, ничего все равно не выйдет.

* * *

Постучав в дверь, мама быстро вошла в комнату соседа дяди Васи, демонстративно поздоровавшись с сидевшим там мальчиком, его сыном, сердито сказала:

– Майя! Ты что опять здесь делаешь? Ах, телевизор смотришь! Сколько можно говорить – нет там ничего интересно-го. И здесь тебе тоже делать нечего! Иди сейчас же к себе в комнату! Давай-ка лучше книжку читаем – я тебе купила новую. Вот увидишь – очень интересную.

– Ну, мамочка... можно, я здесь побуду? Немножко...

– Давай-давай! Сию же минуту! Пошли, слышишь?

Девочка послушно пошла за мамой. Наверное, мама, как всегда, права... И девочка не спорила. Конечно, все правильно: сосед дядя Вася – ал-ко-голик их коммунальной квартиры, и когда напьется, то орет, дерется и выгоняет из дому жену и сына. А еще он развел у себя в комнате грязь, клопов, и они ползут через электрическую розетку в их комнату, и маме приходится морить их гексахлораном – ух ты, какое слово красивое! Хотя воняет это средство просто ужас как – не случайно мама тогда отправляет ее к бабушке... Да, но зато у него телевизор есть с большой лупой перед экраном...

И вообще, девочка никогда не спорила, особенно с мамой. Только смотрела исподлобья и молчала. Понимала: маму не переспоришь, ничего все равно не выйдет. Но ведь и ковыль, *голубая трава*, о которой так проникновенно пела ей в раннем детстве, перед сном, как колыбельную песню, мама, от порывов ветра упрямо прогибается до самой земли – а вот дерево может сломаться.

Много лет назад. Она...

...Радость от того, что он так невозможно близок...

Счастье еще большего сближения. Доверия. Соединения. Слияния.

Дрожь в голосе. До боли в горле, до хрипоты. У него, у нее. Рвется к нему душа, растворяется в нем вся. Все больше хочется самой последней близости. И он тоже сдерживается из последних сил.

Так было всегда, как только им удавалось остаться одним. Но он держался осторожно, боялся настаивать, а она каждый раз находила силы совладать с ним – и с собой.

– Люблю тебя по-страшному. Моя хорошая... Цветочек мой...

Не хватает нужных слов. Конечно. Словами это не выразишь.

– Ну почему ты боишься своих чувств? – недоумевает он.

– Подожди еще... не надо... не сейчас... Ну, подожди еще немного... пожалуйста... я боюсь... – последние слова она шепчет тихо-тихо.

Еще бы не бояться последствий!

– Никак не пойму, что ты чувствуешь, как относишься ко мне, никогда не знаю, чего ты хочешь. Ты ведь все молчишь... не говоришь ничего... Ну, пожалуйста, не закрывайся от меня... – молит он, пробуя каждое слово на вкус, вне-

запно пересохшим голосом, словно и голос тоже его боится, тоже не хочет ему принадлежать. Но и в такие минуты чувство такта не изменяло ему..

А что, если?..

– Нет, ты не бойся, не надо... Ты же знаешь, если только ты не захочешь, я ничего такого себе не позволю. Ну не могу я так... против твоей воли... Сколько раз я клятву себе давал не трогать тебя! Только... ты сама скоро захочешь этого, правда ведь?.. Если честно, ну скажи – да?..

Он зарылся лицом в ее волосы. Его голос стал вкрадчивым, обволакивал, затем очень сужился.

Даже находясь в невероятной, тревожной, опасной близости от него, она скорее угадывала, чем слышала то, что он прошептал.

– Да... – тихим-тихим эхом отозвалась она.

Вот! Нельзя было отвечать сейчас это – еле слышное – да! Последнее решение остается за женщиной. «Да» было ее согласием. Голова закружилась от его поцелуев, а они становились все более решительными, глубокими – мужскими. А его глаза просто затягивали ее в себя, как два огромных горячих темных омута, обволакивали, завораживали, проникали внутрь, растапливали... А сердце билось у самого горла, готовое выскочить. И непонятно было, чье это сердце так бьется – его ли? Ее ли?

Не было больше сил сдерживаться. Больше не было сил сдерживать его.

Полутемная комната осветилась вдруг голубовато-зеленым аквамариновым сиянием. Оно тоже ласкало, завораживало, обволакивало... Откуда было ей знать, что страсть бывает и такой?..

Не хватило сил сопротивляться.

И упал барьер.

Не думая больше ни о чем, очертя голову, они в каком-то безудержном восторге бросились с обрыва в пропасть, упали, нырнули в бурлящий, болезненно-сладкий бездонный омут, втянувший их в опасную горячую, темную Воронку. Когда он оказался в ней, она, кажется, не почувствовала ни боли, ни стыда, ни страха – вся растворилась в нем, точнее, они растворились друг в друге. Да... да... вот так... наконец-то! Да! Тела заскользили вместе, слаженно, в такт. Как в сладострастном ритуальном танце. Какой он сильный! Еще нырок, еще! Какое глубокое погружение! Какой он нежный...

А потом, вынырнув, то быстро, то медленно они вместе поплыли в потоке, словно в ином, нереальном измерении, всей душой, всем телом отдаваясь ритму, музыке, хрустальному звону течения, снова и снова искренне, без остатка, не помня себя, одаривали друг друга полными пригоршнями счастья. Не видя... не слыша... не ощущая ничего вокруг... забыв обо всем... Слившись в одно существо так, что в мире больше не осталось никого и ничего! Они то тонули, то, задыхаясь от изнеможения, выплывали на поверхность, когда

не хватало уже воздуха.

*Человек явился в мир таким.
Обнажен, незащищен, уязвим.
Змея Искушение – на нем.
Яблоко Греха... давай сорвем?*

*Женщина рождается в любви.
Чистота слепит, влечет, манит.
Лилия чиста, бела внутри...
Нет! Таких нет больше – посмотри!*

Сердца бились в такт.

Моя... любимая... родной мой... да, так... Еще, еще! Ла-па моя, ты, ты, ты... да!

Серебряное звучание той божественной, ликующей музыки замирало, падало, становилось неразличимым, неслышимым...

А затем голос музыки нарастал, гремел, грохотал, устремлялся вверх, ввысь на какой-то невообразимой ноте, в сумасшедшем, упоительном, счастливом crescendo. Да, да, да-а-а!..

И звенели, ликовали души, и вибрировали, и пели от счастья тела в унисон Вселенной, в высочайшем акте любви и самопожертвования.

Наше время. Она и я...

– ...Ну и зачем нам говорить в таком тоне? Какой в этом смысл – сейчас? – произнесла я примирительно, осторожно подбирая каждое слово.

– Вот ты опять! Смысл! Это *неразумно! Нерационально!* – моментально вышла из берегов, взорвалась она, очень похоже передразнивая меня. Ту, из тех, старых, дней, или эту, дня сегодняшнего? Было трудно это понять.

Эмоциональная реакция после стольких лет – ничего не скажешь! Как-то не очень на нее похоже, или я просто забыла?

– Ну, надо иногда и голову включать, как же иначе? – парировала я. – Что, так теперь и плыть по течению? Здорово! Только к чему это приведет?

– Вот ты опять оправдываешься! Как тогда, – она снова загоняла меня в угол.

– Хорошо! Ну, а что мне еще оставалось делать, вот скажи? У меня же не было выбора! Нельзя загонять человека в угол! Никто же не захотел понять, услышать нас... меня! Ни он... никто не оставил мне никакого шанса! – заорала я вне себя. Ожила старая обида на нее. Досада, озлобление, неприязнь – волны этих чувств снова захлестнули меня, накрыли с головой.

– А вот психовать не надо! Что ты заводишься с пол-обо-

рота?! Держи себя в руках! Неужели за столько-то лет не научилась? Это мне надо кричать. Ты-то как раз вышла сухой из воды!

От обиды я даже задохнулась, на секунду потеряв дар речи. Но только на секунду.

– Что ты сказала? – рявкнула я. – И ты это что, серьезно, да? А ну повтори! Это я вышла сухой из воды?! Я? – Тут мне пришлось замолчать – и перевести дух.

Я старалась совладать с собой, говорить спокойно и вложила в свои слова максимум сарказма, на который была способна. Но ядовитый тон, похоже, совсем не действовал на нее. Ехидная усмешка стерлась с ее лица, и на нем попеременно начали проступать... досада... обида... горечь... страх!

Но меня уже ничто не могло остановить.

– А он... он, вообще... Что, думал, *склеил* понравившуюся девочку – и все! Здорово, да? – я уже почти кричала.

– Может быть... Об этом я ничего не знаю. Но может быть, так и было в самом начале... А потом, когда у вас уже все закрутилось?.. Как ты можешь так говорить: ведь он у тебя был первый... А он... Да он же не мог думать больше ни о ком, вообще дышал, или, как это говорят – не дышал на тебя...

– А, ну да, ну да! Слыхали! Как там: *пожар чувств! вулкан страстей!! Неистовый Роланд!* – злобно, как разбуженная некстати гадюка, зашипела я на нее. – *Вертеровские* или,

черт его знает, какие там еще... африканские страсти, так, что ли?! Да уж, высокие отношения, ничего не скажешь! Ага... Только ты забыла почему-то одну ма-аленькую деталь, так, пусячок: собственную дурь, горе – что? Он заливал потом водкой! Отличное решение! Просто замечательное! Ну, конечно, ведь это же проще всего! Гегемон проклятый, каторжник чертов – а туда же! *Ах, люблю, ах, люблю!* Да он... он просто... он же у меня годы жизни украл! – Я окончательно вышла из себя. – А обо мне он хоть когда-нибудь думал? А, да ладно! Ни он... никто... нет, правда, никто не хотел принять меня всерьез! Ну, не было у меня шансов! Ты что, уже забыла, что мне пришлось пережить? Я и сегодня не могу об этом спокойно говорить, это до сих пор моя боль! Это все так и не прошло до конца, наверное! А ты еще смеешь мне что-то говорить! И вообще, не лезь ты мне в душу и заткнись, поняла? Что я, по-твоему, могла поступить иначе? Ты не имеешь права меня осуждать!

Она не перебивала, слушала внимательно, а когда я закончила, посмотрела на меня исподлобья, помолчала, потом тихо произнесла:

– Чужие слова повторяешь... А право я имею. Я-то ведь смогла...

Припомнилось вдруг что-то:

Нет больше Страха! Мы летим, и Змей...

Господи! Ну, вот не помню я, как там было дальше – не помню, и все тут! Будто кто-то начисто стер из памяти... Как там дальше?!

– Ты что, не слышишь меня, а? Я ведь смогла, – повторила она уже громче и увереннее.

– Да о чем ты говоришь, я что-то никак не пойму?

– Ах, ты не понимаешь? Так я сейчас тебе объясню. Помнишь, что случилось, когда...

Снова временная дыра? Кто-то из нас – я или снова она, совершенно непонятно кто – уже привычно пронеслась по хронологическому коридору и с разбегу влетела... Куда?

Много лет назад. Она...

Помнишь, что случилось, когда?..

– Ох, Майка, Майка! Что ж ты делаешь со своей жизнью?

Ну, разве так можно? – вразумлял ее отец.

Вот уже больше двух недель, как она поссорилась с Олежкой и совершенно не находила себе места.

Перестала ходить в университет, почти не выходила из дома. Только иногда прибегала к Аленке или подруга являлась к ней, и тогда она могла душу отвести – поговорить о нем.

Они сидели с отцом в большой комнате, уютно устроившись на диване. Смеркалось, шторы были задвинуты не очень плотно, и было видно, как за окном быстро сгущались мартовские матово синие сумерки.

– Ты пойми, Майк, такое прощать нельзя. Ты должна покончить с этой историей. Ну, как ты только можешь терпеть его выходки? И до каких пор, а? Ведь это какая-то достоевщина! Уж ты мне поверь: если он позволяет себе являться к тебе пьяным чуть ли не среди ночи уже сейчас, пока вы ничем не связаны, то подумай, на что он может быть способен, если ты вдруг возьмешь да и выскочишь за него замуж! А сколько раз ты уже просила, чтобы он этого не делал, ну скажи!

«Хорошо, что отец не включает свет, – думала она. – Так он не увидит, что слезы неудержимо текут, текут из глаз...»

– Отец, – начала она, делая вид, что просто слегка простудилась, достала платок, чтобы он не подумал, что она плачет. – Отец, я все понимаю... Но что же мне теперь делать? Когда он в следующий раз позвонит, я хочу все-таки поговорить еще раз... сказать ему..

– О чем ты собираешься опять с ним разговаривать? Хватит разговоров, все давно сказано! Неужели ты не понимаешь, что это уступка с твоей стороны, он так и поймет – поймет, что все ему позволено! Где же твоя гордость, Майк, он же плюет на все, что ты ему говоришь! Где твое достоинство, а? А уж особенно, если ты будешь говорить, как всегда, недомолвками! Ведь ты же из Москвы в Ленинград всегда едешь через Владивосток...

– Но ты пойми, я... я не могу так, не могу так долго без него... я вообще без него не могу, – ее голос упал, и последние слова она произнесла срывающимся хриплым шепотом.

– Знаешь, что, дочь... Конечно, все я понимаю. Понимаю я твои чувства. Уж кто-кто, а я... Понятно, он заслонил тебе весь белый свет. Но все равно учти: я категорически возражаю против того, чтобы ты вышла за него замуж. Знай: я, безусловно, буду против вашего брака и решения своего не изменю. И твоя мать, конечно, тоже... Хотя ты учти и то, что если ты с ним не будешь видеться долго, то он, может быть, хотя бы поймет, что с тобой он так вести себя не имеет права. И если он тебя действительно любит, то, кто знает, может быть, со временем... Конечно, я не очень в это верю.

– Но зачем же тогда так мучиться, зачем все это, какой смысл ждать, если все равно ничего не выйдет?!

– ...Майк, послушай... Давай-ка с тобой потолкуем, спокойно, без нервов. Ну, ты ведь разумный человек и рассуждаешь разумно обо всем, кроме одного. Объясни ты мне, пожалуйста, моя дорогая дочь, что с тобой происходит? Ведь с тобой невозможно ни дела иметь, ни договариваться, как только речь заходит о нем! Вот я стараюсь тебя понять – и, честно говоря, не могу. Я, конечно, уважаю твое мнение и, так сказать... твои чувства. Чужое мнение я привык уважать и проявлять терпимость, ты же знаешь, и, в конце концов, никому не дано право вмешиваться в чужие чувства, судить... Да, я это понимаю и готов отстаивать. Но, на мой взгляд, он просто слабохарактерный, безвольный человек. Да с ним и дело-то иметь просто опасно... Вспомни, ведь один раз он уже доигрался – вон в колонии уже успел побывать за хулиганство. Осудили же его тогда, еще в школе!

– *Как умеет любить хулиган...* – пробормотала она.

– Что? Я не расслышал... – недоверчиво переспросил отец. В тоне его звучало недоумение.

– Да нет... Так, ничего, неважно... Это я так, просто... о своем подумала...

– Знаешь, на слух я пока что не жалуюсь. Ты что, думала, я не расслышал? – ядовито заметил отец. – Только знаешь, это совсем не тот случай – Есенина стихи цитировать! Здесь и сравнивать нельзя! Вообще, насколько я его понимаю, он

примитивный ограниченный человек, плывет без руля и без ветрил. К тому же его окружение, среда, его уровень... И потом, он же элементарно невоспитан!

– Отец, но ведь у нас в стране провозглашается равенство, и неважно, из какой ты семьи, из какой семьи он – ну, если все равны, то какая же разница, – медленно произнесла она с некоторой долей ехидства.

– Да, все у нас равны, конечно, но только ты, пожалуйста, не передергивай! – моментально отреагировал отец. – А ты вот лучше подумай: в чем, собственно, должно выражаться это равенство? В невежестве, невоспитанности, так, что ли? И, наверное, все же не в дремучей необразованности, не в неотесанности и серости, а? Ведь его кругозор, интеллект – ох!.. Ну, просто слов у меня нет... – он тяжело вздохнул. – Господи, да неужели тебе с ним интересно? Для меня это неприемлемо. Я бы не мог иметь ничего общего с таким человеком. Я вот только не понимаю, как ты-то этого не видишь, не чувствуешь? А ты сама? Ты же потеряла интерес ко всему, кроме... своих чувств! Раньше ты с таким увлечением занималась римским правом, итальянским и английским языками, сравнительной лингвистикой. А какие рассказы писала! И что же теперь?.. Теперь ты все забросила, вот теперь даже в университет не ходишь. Что это у тебя за наваждение такое? В какую летаргию ты впала?! Где же твое достоинство, наконец, а, Майк? Как ты можешь настолько не уважать себя? Ну как тебе только не противно смотреть

на него, когда он напивается?! Но, в любом случае, если ты сейчас ему снова уступишь, то можешь сразу, прямо сейчас, зачеркнуть все свои иллюзии относительно будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.